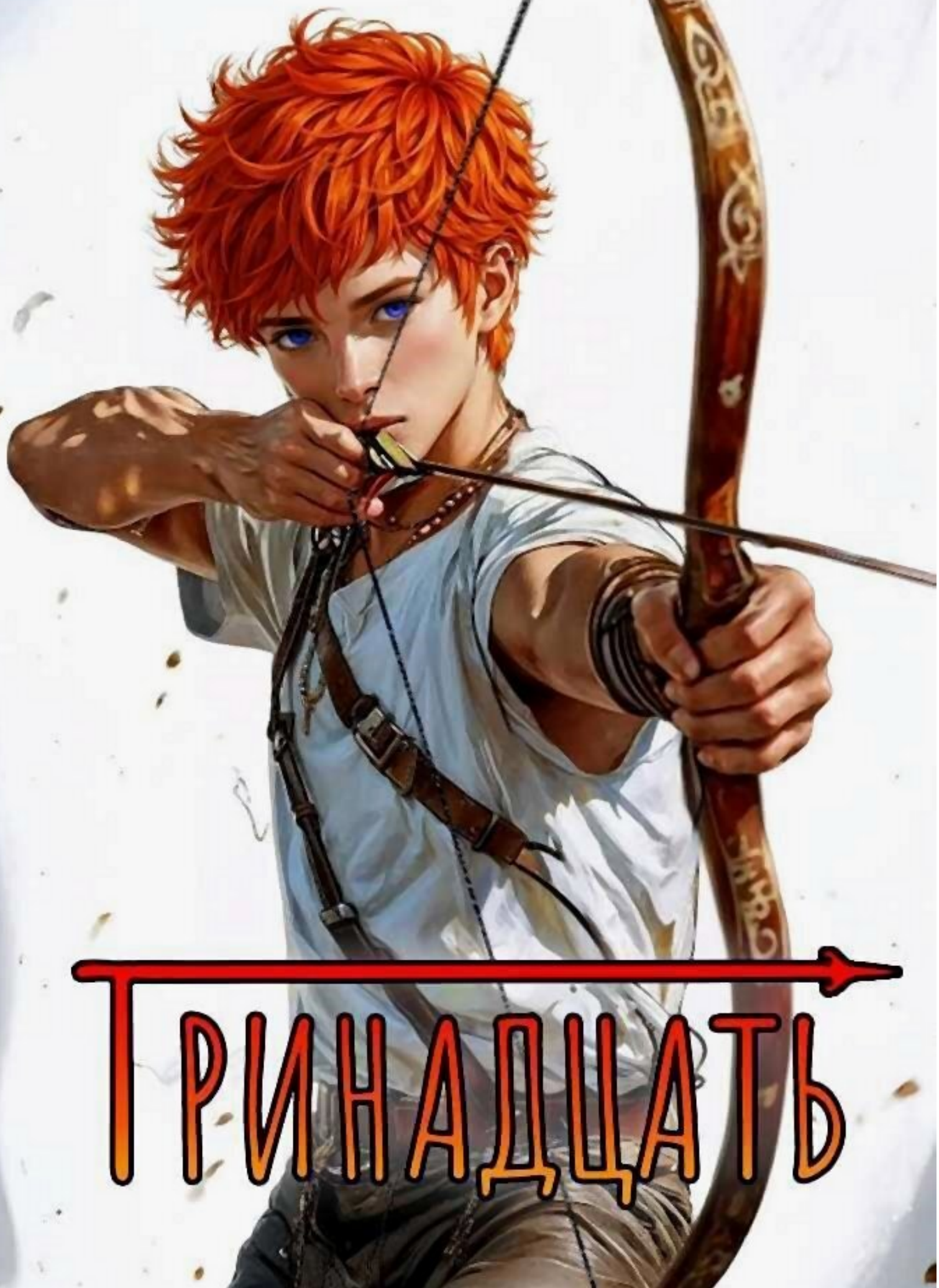

АНДРЕЙ ШОППЕРТ

ТРИНАДЦАТЬ

Тринадцать (Шопперт)

Андрей Шопперт

Тринадцать

Шопперт А. Г.

Тринадцать / А. Г. Шопперт — 2026 — (Тринадцать (Шопперт))

Бывший танкист, бывший военрук и действующий ваятель сценариев для передачи «Битва экстрасенсов» попадает в далёкое прошло в тело пацана из небольшого села где-то недалеко от Минска. Какой год? Неизвестно. Какой хоть век? С 13 по 15. Ну, наверное. Попадает бывший танкист очень неудачно в первый же день в пожаре погибает почти вся семья. Остаётся пятилетняя сестрёнка, спасая которую чуть не погиб реципиент. Слабое тело и желание отомстить убийцам – отличный стартовый капитал.

Содержание

Глава 1	5
Событие первое	5
Событие второе	8
Глава 2	10
Событие третье	10
Событие четвёртое	12
Событие пятое	14
Глава 3	16
Событие шестое	16
Событие седьмое	18
Событие восьмое	20
Глава 4	22
Событие девятое	22
Событие десятое	24
Событие одиннадцатое	26
Глава 5	28
Событие двенадцатое	28
Событие тринадцатое	30
Событие четырнадцатое	32
Глава 6	34
Событие пятнадцатое	34
Событие шестнадцатое	36
Событие семнадцатое	38
Глава 7	40
Событие восемнадцатое	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Андрей Шопперт

Тринадцать

Глава 1

Событие первое

Что-то не так было со здоровьем. Совсем не так. Проснулся Константин Иванович не отдохнувшим, а уставшим. Словно не лежал в кровати, а мешки разгружал с цементом из вагона безразмерного, да ещё где-нибудь в пустыне Сахаре. Пить хотелось, мышцы ныли, дышалось тяжело, как после забега. И самое плохое – сердце колотилось как-то неправильно. С перерывами. Стучит молотом в груди, а потом бабам и пропускает удар или пару. Хочется схватиться руками за грудь и сжать мышцу, помочь сердцу ещё раз кровь качнуть.

Прислушиваясь к барахлившему мотору, старик умылся, зубы уцелевшие почистил, прошёл на кухню и остановился перед кофемашиной. Хмыкнув, Константин Иванович отошёл от неё. Кухня большая – девять метров на четыре, Сидоркин сделал по ней два круга и снова у сверкающей хромом штуковины остановился. Сердце шалит и кофе... Нормально это? Чайку может? Мозг он же не дурак, он сразу с какой-то передачи информацию подсунул, что в чае кофеина не меньше, а то и больше, чем в кофе. И ещё подсказочку выложил, ну, мозг этот, который не дурак, что слышал в другой передаче, а то и в этой же, что если с молоком пить, то вот тогда... Нет, хотелось спросить у всезнайки, как добавка молока в кофе снижает концентрации там кофеина? Знать бы ещё у кого спрашивать, у радио, или у телевизора. Ответят? Да, сто процентов, и ответят то, что и хочешь услышать.

После третьего круга не дурацкий мозг ноги остановил и руку протянул, на кнопку светящуюся наживая. Аппарат заурчал, нагнетая давление и из двух носиков в широкую кружку полилось кофе. Нормальное. Раньше в турке много лет Константин Иванович варил, но потом купили дети аппарат этот, и лень победила. Нажал кнопку и все проблемы, а в турке то убежит, то мыть и чистить её от налёта надо. А если убежит, то стекло плиты потом десяток минут отмывать надо от пригоревшего намертво. Лень, в общем.

Поурчав, аппарат выдал две порции, с его, аппарата, точки зрения. Дебилы, те кто думал, что в России кто-то, хоть один человек такой порцией ограничится, тот в России и не был никогда. Это не Грузия с её микроскопическими чашечками, не, тут всё по-взрослому, тут трёхсотграммовая кружка в самый раз.

Молоко? Где-то было сухое. При этом не китайское из сои, а отечественное... м... Ну, может аргентинское, но точно из вымени. Банка поддалась не сразу, крышка винтовая прикипела, и оказалось, что у китайского есть плюс. Оно всегда в виде порошка. А это отечественное скомковалось. В один брусок белого цвета превратилось. Пришлось достать нож побольше... после того, как сломался тонкий, и расковырять себе на пару чайных ложек. Комки долго не хотели расходиться. И приготовление кофе вылилось в эдакий затяжной раздражающий процесс, который не то, что не умиротворил дёргающееся с перерывами сердце, а только раздражил весь организм. Голова заболела, старая рана в плече заныла, зачесалась вторая рана на спине. И чего, как её достать в восемьдесят без чуть-чуть лет?! Давно Константин Иванович хотел себе купить китайскую чесалку для спины. И всё отмахивался, можно нож взять и почесать. Потянулся, а любимый чесательный длинный нож пал в неравной борьбе с сухим молоком отечественным. Тоже китайский? Бяда.

Пока вилку приспособливал, пока из ящика кухонного гарнитура итальянского другой нож длинный извлекал, чесание прекратилось. А всё одно Константин Иванович пошкрябал рану на спине. К кофе сунулся, а он почти холодный. Этот аппарат и так-то выдаёт его на-гора не больно горячим, да кружка массивная, да время прошло. Пришлось в микроволновку поставить. Вынул, а он кипяток.

– Чтoб его! – Константин Иванович, отставил кружку и снова на аппарат глянул, – Может новую сделать?

Плюнув... мысленно, Сидоркин сел в кресло в соседней комнате и решил пару – тройку минут посидеть. Дать организму успокоиться, а напиток, вредному в обоих смыслах этого слова, остыть. И тут снова услышал, как сердце пропускать удары начало. Может и раньше пропускало, но эти волнения и неудачи отвлекли внимание.

Бах. Бах. Мотор в груди как-то особо гулко бухнул и опять нет следующего удара.

– Эй, – Константин Иванович хлопнул ладонью по груди.

И ничего.

– Эй!

И ничего. Перед глазами радужные круги пошли, потом чёрные, а потом тот самый в книгах частенько описываемый тоннель появился, и Константина стало туда засасывать. Всё быстрее и быстрее. А конца нет этой черноте, и свет не приближается, а отдаляется, светлое пятно становится меньше.

– Эй!

Неужели всё? Константин Иванович вечно жить не собирался, но вот тут сразу как-то, без подготовки, без тренировки, умирать не хотелось. Спонтанно как-то. Неправильно это. В голове вдруг жизнь прошедшая стала прокручиваться. Школа в Минске, выпускной, потом поездка в Свердловск в Свердловское высшее военно-политическое танко-артиллерийское училище, которое только год как открылось. Учёба там. Служба. А потом война Судного дня, в которой старлей Сидоркин в составе Группы советских военных специалистов в Вооружённых силах Сирии успел на своём танке пару недель повоевать. Нерешительность сирийцев и египтян тогда привела к поражению, а ведь в бинокль уже Хайфу видно было. Испугались союзнички. А потом и наши генералы в Москве испугались, прогнулись под пиндосов... Ай, ладно, чего уж, больше пятидесяти лет прошло. Правда, три напоминания о той войне остались. Есть орден Красного знамени... а ну, да, ещё есть сирийский орден Военных заслуг второго класса, фашистский такой, с орлом, крылья раскинувшим. Два других напоминания и захочешь забыть, так не забудешь. Танк его израильтяне подбили, а когда Константин выбрался, то был сразу и навывлет в плечо из пулемёта прострелен, и осколком от снаряда в спину ранен. Оба ранения были серьёзными, и не миновать бы могилки на кладбище, но механик-водитель, тоже в ногу раненый, вытащил командира из-под огня, а там и сирийские санитары подоспели. Однако после госпиталя в Москве Константина Ивановича комиссовали. Пуля плечо эдак прилично разворотила, и рука левая двигалась хреновенько.

После пары санаториев капитан запаса Сидоркин пошёл в школу работать военруком. Даже до майора запаса дослужился, если это службой можно назвать. Там, в школе, и жену нашёл, там и дети учились. Но не всё коту масленица. В 1991 году Начальную Военную Подготовку в школах упразднили «умные начальники», решившие любой ценой угробить державу. И остался Константин Иванович в самый разгар перестройки без работы и без денег. А ведь всего сорок один год.

В девяностых Константин Иванович мыкался. В прямом смысле этого слова. Ни знаний, ни умений специальных не было. Да и времечко было... то ещё. Устроится на завод какой-нибудь, и его почти сразу начинают сокращать или вообще предприятие закрывают. Пухла и пухла трудовая книжка. Одно время даже с товарищем вёл всякие свадьбы и прочие юбилеи

с корпоративами. Нет, не конкурсы придумывал. Тут одно умение случайно совсем приобретенное помогло.

Как-то в середине карьеры военруком один «шутник» на уроке на время разбирал и собирал автомат Калашникова. Разобрал на троечку, собрал на троечку, а потом взял и приставил ствол к голове сидящей на первой парте девчонки. Та в визг, дёрнула головой и расцарапала себе щёку о мушку прилично, до крови.

Вызвали в школу отца «шутника». А тот тоже шутником оказался. В прямом смысле. В Свердловском цирке клоуном работал. Сначала директриса кричала на сына, потом на отца, но тут ей позвонили и в Районо срочно вызвали. Константин Иванович отпустил лоботряса и какой-то вопрос задал про цирк. Разговорились и клоун мечтой поделился или планами, вернее, клоуном надоело кривляться, захотел стать волшебником. Перенимает сейчас трюки у собирающегося на пенсию иллюзиониста. Сидоркин попросил показать чего. Пошёл в ход знаменитый аттракцион с доставанием монетки из уха.

Тогда-то Константин Иванович и попросил родителя «шутника» паре таких трюков научить. Оказалось сложнее, нужно было часами разрабатывать пальцы. Но военрук был человек упорный, а отец шутника человеком ответственным, и раз пообещал, то довёл дело до конца. В результате Сидоркин выучил десяток самых эффектных номеров, где не нужны ящики и пилы. Именно их и показывал на корпоративах и юбилеях. Часы из кармана достать, монетку из уха. Переместить тысячную купюру из руки в карман соседа. Для разгорячённой алкоголем публики самое то.

Так, не шатко ни валко, дожил Константин Иванович до 2007 года. И тут началась программа «Битва экстрасенсов». Нет, не пошёл майор запаса туда в участники записываться. Он посмотрел парочку и решил сценарий написать, а то уж больно предсказуемо и занудно получалось у режиссёра. Опыта проведения всяких корпоративов хватало и книг про магов полно прочитано. Написал сценарий на передачу, и в общем-то, не надеясь на положительный результат, отправил в редакцию канала. И вдруг ему звонят и предлагают в Москву приехать по такому-то адресу. Чего бы пенсионеру и не съездить в столицу, людей посмотреть и себя показать. Приехал с режиссёром пообщался, потом с главным режиссёром, потом с редактором, и в результате его сценарий с приличными, правда, доработками одобрили. И заказали следующий сценарий. Так и завертелось. За двадцать с лишним сезонов половина сценариев на передачу его рук дело, в том числе и прогремевший на всю страну с расследованием убийства Листьева.

Не сказать бы, что это приносило огромные деньги, но на коттедж под Свердловском, ай, конечно, под Екатеринбург, хватило.

В кресле, на первом этаже которого, Константин Иванович сейчас и умирал.

Видения вдруг оборвались и на секунду умирающий погрузился в полную тьму. Но через эту секунду или две на горизонте... вдалеке появились всполохи огня. Далеко-далеко и было видно, что горит что-то большое. Дом? Большой дом. И он приближался. Пламя теперь виделось лучше. Стало понятно, что и в самом деле горит большой каменный дом. Не стены, сложенные из больших плохо обработанных природных камней, а крыша, а ещё из окон пламя вырывается. Камень почернел уже, от него валил пар. А вот в чём дело. Дождь. Пожар пожаром, а вокруг была улица, полная людьми, и шёл сильный дождь. Не ливень с грозой и молнией, а просто дождь, который пытался погасить огонь, но сила одной стихии превосходила вторую. Погасит, конечно, если только не закончится раньше, но лишь тогда, когда огонь насытится, когда лениво будут головёшки догорать.

Событие второе

Касьян поудобнее перехватил удилище и зашагал в сторону озера. Сума с краюхой хлеба и куском сала била по ноге, и парень остановился, перевесил её так, чтобы она за спиной оказалась. Вот теперь можно и поспешить, а то солнце вот-вот вынырнет из-за леса и опоздает он. Известно же, что лучший клёв – это на утреннюю зорьку, у рыбы жор начинается, только успевай закидывать. А ему пару вёрст ещё переться к лесному озеру. Река ближе, но там так мелочь, ну окуньков можно наловить, краснопёрки, даже подлещиков если, всё одно мелочь. А на озере там сазаны – это совсем другая рыба. А если совсем повезёт, то можно линьков парочку вытащить. Седмицу назад дядька Фрол вытянул там огромного линя, с аршин... Да сам Касьян видел. Ну, если и не аршин, то около. Тёмно-зелёный пузатый. Ух, вот бы парочку таких. Батя закоптит... Эх, три лучше. Один с парнями они съедят, а остальные бате и деду.

Сазаны тоже хорошо. Мать пожарит в сметане, чтобы запах тины отбить, с чесночком, с морковкой. М...

Караси? Не, выбрасывать не будет. Их тоже можно пожарить, мяса там поменьше, но если штук шесть покрупнее на их новую сковороду медную, и тоже в сметане с чесночком.

А всё-таки хотелось такого линя поймать, как у дядьки Фрола, а то он ходит теперь по селу гоголем. Был безлошадник последний, пастух, а тут все подходят, вопросы задают, на что поймал, да как? Глубина какая? Тьфу. Не, не тьфу, конечно, линь огромный красивый, пузатый. Тьфу на дядьку Фрола. Возгордился, ходит нос задрал. Просто повезло. Дурням везёт.

Касьян добавил, небо из тёмно-синего больно быстро светлеть начало. А сам виноват. Хотел же пораньше проснуться. Даже по темну была мысль до озера добраться, чтобы вот такое время уже не в дороге быть, а с удочкой сидеть на берегу. На петуха понадеялся. Тот не подводил никогда, горланил на всё село едва небо светлеть начинало. А тут прокукарекал, Коська глаза открыл, а небо уже светлеет. Тьфу, надейся на них, на петухов. Лучше бы мать попросил. Она-то коров доить раненько встаёт. И его бы толкнула.

Перед лесом дорога резко сворачивала к заливному лугу, а потом снова на восток и немного лесом пройти и озеро. Оно не громадное. Как-то слышал Касьян как мужики у них в таверне говорили, что ближе к Минску у Клинок озера такие, что другой берег еле виден, а тут всего-то с полверсты на полверсты, даже поменьше.

Почти бегом парень примчался к своему прикормленному месту. Он сюда и оставшихся червей всегда высыпал после рыбалки и остатки хлеба, что мать ему с собой давала, крошил и вытряхивал из сумы. А то и специально запаренное для цыплят зерно приносил. Место было отличное. Там кусты такой подковой подходили к берегу и оставалась небольшая полянка, заросшая травой, а прямо напротив не как везде у берега ил и мелкота, а омут пусть и не сильно глубокий, где-то как раз с Коську глубиной. Тут он частенько сазанов выуживал.

Добравшись до своего заветного места, парень размотал лесу, связанную из белого конского волоса, поправил поплавков, самолично из гусяного пера сделанный, и насадил жирнющего вёрткого червя на крючок.

– Тьфу. Тьфу. Ну, карась сорвется – щука навернется. Удича крива, да рыбица пряма.

Удилище и не так чтобы прямо кривое. Прошлое сломалось. И это новое Коська только третьего дня вырезал. Ива была почти прямой, только в самом конце раздваивалась и когда вторую ветку Коську срезал, получилось, что чуть в сторону загибается. Никак это ему удить не помешает.

Поплавков тихо почти без булька лёг на воду и кусочек гвоздя, что парень приспособил вместо грузила потянул крючок на самое дно омута, где точно сейчас должны собраться те два огромных линя.

Через пару часов рыбак стал собираться домой. Не вышло на этот раз. Жаловаться грех, ещё до дома дотащить надо приличный улов. Семь карасей, вполне себе не маленьких, три чуть поменьше, а остальные пядь нормальные, даже вытягивать пальцы со всей силы надо, чтобы измерить. У дядьки Фрола пядь побольше, понятно. Вот пусть своими и меряет. А у него какая есть, той и будет измерять. Ещё шесть сазанов. Эти в полторы пяди, один только подгулял. Так ещё и подарочек от водяного есть, щурёнок приличный и настоящая щука в локоть длиной.

Нет линей. Обидно. Да, он два кукана в село принесёт, не стыдно по улице идти будет, тем более, щука есть хорошая. Но того отношения соседей, что к дядьке Фролу не будет. Там одного линия хватило, чтобы пару седмиц все мужики обсуждали на завалинке сидя по вечерам у дома плотника Артемия. Линь такого размера – это событие. А щука с локоть – просто щука.

Село встретило звоном на колокольне. А ещё запахом гари. Ветер был с заката и как раз от села в сторону дороги к озеру несло запахом дыма. Касьян вертел головой, надеясь найти кого и спросить, что случилось, но улица была совершенно пустой, только куры, почувствовав свободу, бродили прямо по дороге, и один петух, усмотрев в Коське угрозу для своих друзей, бросился на парня. А у того обе руки заняты. Кое-как отпинавшись от задиры, парень уско-рился и вскоре вышел к своей улице, в конце которой и стоял их постоянный двор с таверной.

Именно оттуда и тянулся по дороге дым. А там в конце улицы...

Глава 2

Событие третье

Улица в их селе длинная и не прямая. Она вытянулась вдоль реки, а та не пожелала прямо течь, изогнулась коромыслом, огибая ей одной ведомую преграду. Если сверху, с птичьего полёта, глянуть, то получится, что огибает река церковь. На самом же деле наоборот, это церковь на сотни, а то и тысячи лет позже построили на холме, который и огибала их река.

Касьян, увидев, что горит, а дым и всполохи огня поднимались к небу в том месте, где находился их дом, добавил ходу. В селе всего две улицы и обе заканчиваются его домом – постоянным двором с таверною, там улицы сходятся и превращаются в дорогу, что через лес идёт дальше к городу, в котором Коська ни разу не был. А ещё чуть дальше и ближе к реке стоит огромный дуб. Исполин видно из любого места в селе, и спутать невозможно, как раз рядом с ним дым и валил в небеса. А раз с дубом, то и с постоянным двором рядом. Или...

Бросив в проулок оба кукана с рыбой и даже удочку, парень припустил к дому уже во все лопатки. И тут дождь начался. Собирался он всё утро. Коська только первого карпа выуживал из озера, когда заметил, что солнце, встретившее его первую рыбку, показавшись из-за деревьев во всей красе, почти сразу окуталось пеленою белых облаков, а с запада по небу уже и настоящие тучи чёрные надвигались, заполняя всё небо.

– Хорошо! – обрадовался тогда парень.

Он чуть не целыми днями носил воду с реки в бочки у таверны и в те, что на огороде поставили недавно. Огород за последние несколько лет чуть не втрое увеличился, мать раскапывала с их работником Демьяном всё новые и новые гряды. Для таверны требовалось много моркови, свеклы, лука, чеснока, и чтобы не покупать это у сельчан втридорога, они сами теперь все овощи выращивали. Меньше всего этому радовался Касьян, как старший из детей, он теперь вынужден был все эти новые грядки поливать. Не каждый день поливать, конечно, а если дождя не было давно. А его как раз уже две недели не наблюдалось. Руки у парнишки ныли от тяжёлых ведер.

– Хоть бы дождь прошёл хороший, – пожелал тогда парень, с надеждою на небо поглядывая. Хоть несколько дней передышки.

Сейчас самые первые крупные капли начинающегося дождя впились в дорожную пыль прямо у него под ногами, оставляя в серой пыли небольшие воронки. По мере его приближения к дому капель становилось всё больше, и когда Касьян обогнул уже церковь, дождик из редких крупных капель превратился, если не в ливень, то в настоящий сильный дождь.

Касьян всё-таки надеялся, что горит не его дом, а... Ну, другое что. Теперь все его надежды, как дым, уходящий в облака, развеялись. После того, как парень обогнул церковь, стало видно, что горит именно постоянный двор. Вокруг уже бегали люди. Маленькие фигурки с вёдрами носились от реки к домам и конюшне. Выплёскивали воду и снова неслись к реке. С холма, на котором церковь построили, всё это как на ладони видно было. Коська остановился на мгновение всего дух перевести и разглядеть, что происходит, а увидев, что чуда не произошло и горит именно его дом, припустил дальше ещё быстрее.

Добежав до двора, Коська остановился, не зная, чего делать-то теперь. Он хотел было тоже схватить ведро и броситься к реке, но беглый осмотр двора показал, что все вёдра разобраны соседями и постояльцами. Хотел к конюшне броситься, их Орлика и кобылу Вербу спасать, но тут обнаружил, что их лошади и лошади постояльцев из конюшни выведены, да и не доберётся огонь, скорее всего, до конюшни. Двор широкий, а конюшни на противоположной

стороне. Горел только сам постоянный двор, даже стоящая отдельным большим длинным зданием таверна была целой.

Тогда парень стал в толпе носящихся по двору людей родичей высматривать. Отец? Нет, не видно. Мать? И её синего рабочего платья не видать. Сестра младшая Фёкла? Детей полно вокруг крутилось, но её рыжей головки видно не было. И самая младшая из них сестренка Варвара? Тоже рыжая. Она где? И её не видно. И тут Коська увидел какое-то движение в окне второго этажа постоянного двора. В той половине, где внизу их две комнаты были.

Или увидел парень, или почувствовал, но промелькнула в окне рыжая головка.

– Варюшка! – охнул Касьян и бросился к крыльцу. И отскочил, не добежав пары метров, ярче, сильнее, яростнее всего их красивое деревянное крыльцо и горело. Его и поливали больше остального приносимыми с реки ведрами с водой.

Здесь не пробраться, понял Коська и тут же себя по лбу хлопнул. У сарая лежала длинная деревянная лестница. Она как раз и была сделана для того, чтобы добраться до окон второго этажа таверны. Там недавно Демьян с отцом меняли ставни и потребовалась лестница. Они с батянькой её тогда смастерили.

Парень бросился к сараю, огибая пышущий жаром дом, подхватил тяжёлую длинную лестницу и потащил её к тому окну, в котором увидел рыжую головку сестрёнки. Дождь уже вовсю лил, помогая тушить таверну и Коська, который сначала хотел себя ведром воды окатить, махнул рукой, и без того уже мокрый. С первого раза поднять лестницу не получилось. Перевесила и завалилась в бурьяны у забора. Тогда парень её сначала вдоль дома расположил, а потом только стал поднимать, хотелось позвать кого на помощь, но набегут, вопросы начнут задавать, да ещё и не пустят. Время!!! Некогда, там сестрёнка стогрит, поднаторев, парень поднял лестницу и потом, как ходули, передвигая её, вращая, подтащил к нужному окну.

Как взлетел на второй этаж парень и не помнил, сунулся к окну, из которого клубы дыма вырывались, и, сразу закашлявшись, перевалился через подоконник.

– Варька! Варюшка! – преодолевая кашель, завопил Коська. Никто не отвечал. В комнате почти не видно ничего было, такой дым плотный стоял. Но тут клубы как-то подались в сторону, и парнишка увидел лежащую в углу сестрёнку.

Дальше опять словно провал в памяти. Касьян и не помнил, как подхватил девочку и, перекинув её через плечо, оказался уже по другую сторону подоконника, на лестнице. Вот только развернуться у него не получалось. Одна рука прижимала сестренку, а с одной разворачиваться, задыхаясь от дыма, и не видя ничего из-за льющихся из глаз слёз, Касьян не решался, пришлось спускаться лицом не к лестнице, а к забору.

– Ничего, сейчас спустимся, – он-то кашлял, а вот Варюха нет. Плохо это.

Первый шаг получился нормальным, а вот второй оказался роковым. Штанина зацепилась за специально оставленный сбоку, чтобы привязать лестницу, гвоздь, и парень шагнул второй ногой в пустоту. Уже падая, Касьян сумел развернуться, как и хотел спиной к забору, чтобы, когда они упадут, то сестрёнка на него свалилась, а не на твёрдую землю. Развернулся теперь, когда поздно стало.

Событие четвёртое

Константин Иванович очнулся от того, что кашель просто разорвал лёгкие. Дышать что ли забыл? Нет. Выкашливался дым. И воняло дымом. Настоящим таким, как после пожара в лесу. Уж он-то знает, как танк горит или человек, совсем другие запахи, тут именно запах костра. Дерево горело, никаких масел, никакой резины, никаких пластмасс. Разве чуть на грани восприятия жжённым мясом чуть паховало. Шашлыком? Это чего, его из кресла кто-то вынул полумёртвого и на пикник с шашлыками притащил. Так себе профилактика... как эта болезнь называется? Тахикардия? Не. Во! Аритмия. Так себе профилактика аритмии – шашлыки у костра в лесу. И под пивко с водочкой. Нда. Интенсивная медицина?!

Глаза не открывались, чтобы антураж увидеть. Есть ли мангал или даже какая барбекюшница? Глаза? Константин сосредоточился. Нужно открыть их. Разлепляя гной или что-то, что глаза склеивало Сидоркин смог сначала правый, а потом и левый глаз разлепить. Новости было две. Хотя, как считать. Но это точно был не лес. Это была комната, возможно, больничная палата. Это первая новость. Рядом стена ощущалась локтем и чуть видна была противоположная стена. Дизайнер поработал? Брёвна? Бывают такие палаты в больнице? Металло-сайдинг-ом не снаружи, а внутри стены оббили? Для эстетов. Вип палата?

Вторая совсем уж странная новость. Темнота полной не была. В углу, где-то на середине стены противоположной мерцал слабый огонёк. Не дежурное освещение, не ночник. Живой еле видимый трепещущий жёлтый огонёк.

Кашель вновь нахлынул. При этом настойчивый такой, аж всё тело задёргалось. От этого голова несколько раз ударилась о жестковатую подушку. И вспыхнула болью в затылке. Словно его туда битой саданули, и вот этой, получившейся после удара шишкой, он и бился о подушку.

Константин Иванович потянулся к затылку, чтобы пощупать шишку и ещё одну странность заметил. Он был без смарт-часов, которые шаги считают и давление с пульсом измеряют. Может всё же больница и сняли часы при поступлении? Рука дотянулась до шишки. Во блин! Крепко саданули, волосы вокруг были выстрижены. А ещё там был шов. И мазь какая-то вонючая, дёгтем пахла и мочой, что ли? Всё страньше и страньше.

Сильно, сильно-пресильно хотелось пить. Пустыня Гоби во рту.

Тут заскрипела странно дверь. Не как петли несмазанные скрипят, нет, другой звук. Дерево о дерево скрипело, полы так скрипят в старых домах. Советской постройки, где доски, а не линолеумы или ламинат. Тяжелые шаги грузного человека послышались. Они приблизились и над Константином Ивановичем наклонилась бородатая и косматая голова. Писец! Странные стены у палаты, и доктора тоже странные. Наверное, докторам нельзя бороды носить, он по крайней мере не видел ни одного. Или хирургам нельзя, а остальным пожалуйста. Так он, судя по шву на затылке, в травме. Тут как раз хирурги должны обитать.

– Оклемался?! – голос был под стать причёске. Акцент? И бас трубный. Звучало примерно так: «Аклямацца»?!

– Угу! Где я? И можно попить, во рту пересохло, – дудки, это спросить хотел Сидоркин, а вместо этого получилось, – Пиинить.

– Водицы. Зараз. Ось! – бородатая голова качнулась, потом появилась огромная рука не менее волосатая и в ней был деревянный ковшик. Константин Иванович ухмыльнулся... мысленно, у его деда в деревне такой был, всегда плавал в ведре с водой, что стояло в сенях.

Вода была теплая и с запахом тины. Но пить хотелось невероятно и привередничать болезный не стал, осушил этот раритетный ковшик до дна.

– Ты, Коська, поспи. Утром бабка Ульяна придет. Поспи.

Шаги дотопали до двери, которая снова подозрительно заскрипела. И дверь на раритетных деревянных петлях? А можно вообще деревянные петли сделать?

На этом вопросы кончились. Словно получив долгожданную воду организмус решил, что и действительно, поспать будет нелишним, сон он лечит. Глаза закрылись, и больной засопел.

Событие пятое

Просыпаешься утром и все болячки вчерашние, как грязные разводы на стекле, влажной салфеткой смыло. Нет. Ничего подобного. Так только в сказках бывает. Сказки детям рассказывают, а ему семьдесят седьмой год идет, не деть совсем. Голова болела. Раскалывалась просто. Болела не внутри. Рана эта зашитая на затылке пульсировала болью.

– А-а! – простонал Константин Иванович и потянулся руками к ране. И не дотянулся. В странной больничной палате стало гораздо светлее, откуда-то из-за его головы лился неуверенный серый какой-то с желтизной свет. словно в светильник вкрутили лампы сразу с холодным и тёплым светом.

Так в этом свете Сидоркин свою руку увидел. Кирдык. Не маленькая, конечно, детская ручонка, но точно не его рука с возрастными пятнами и шрамом на запястье. Ни шрама, ни пятен. Розовая кожа и тонкие пальцы. И ладонь узкая. Детская всё же, или подростковая, точнее.

Вот тебе и битва экстрасенсов. Настоящий волшебник, а не придуманный им в сценарии, запихал его сознание в детское тело, а чтобы сильно не радовался от такой реинкарнации, по голове битой саданул. Правда, непонятно было ещё зачем больничную палату сайдингом под бревно оббили. Или нет! Это брёвна. Вип-перевип клиника. Говорят, же что в деревянном доме даже воздух целебный. Вот его в такую дорогущую целебную палату поместили. В самом деле, только сейчас заметил, кроме запаха костра ещё и аромат свежего дерева присутствовал. Недавно палату этим сайдингом обшили.

Дверь, как и ночью, насадно по деревянному закрипела, впуская новые запахи дров березовых, а ещё железа нагретого. Константин надеялся увидеть того бородатого врача, но вместо этого в палату вбежала маленькая девочка в странном мешковатом платье до пола с рыжими, как огонь, волосами и пронзительно голубыми на этом фоне глазами. Девчушке было лет пять – шесть. Она, увидев открытые глаза Константина Ивановича, сначала улыбнулась несмело, потом зарыдала без всякого перехода и бросилась ему на грудь.

– Коська! Коська! Сто зе тепель!

Девочка не билась на груди, а плакала хоть и громко, но неподвижно, прижавшись к нему всем крохотным тёплым тельцем и словно боялась уменьшить площадь соприкосновения, несмотря на рыдания прижималась со всей силой.

Дверь снова закрипела, и на пороге нарисовалось следующее действующее лицо. Это была сухонькая старушка, вполне себе преклонных годков, точно не меньше, чем самому Константину Ивановичу. Седые волосы выбиваются из-под платка. Маленькие водянистого цвета и чуть влажные от слёз колючие глазки и очередное странное одеяние. Как там у Есенина? «В старомодном ветхом шушуне». На плечах женщины был пиджак надет из домотканой серой материи с подкладом войлочным и вышивкой красными и зелёными нитками по подолу, по вороту и на груди. Дальше из примерно такой же серой материи была юбка в пол, тоже с вышивкой крестиком красными и зелёными нитками. На груди шушун не застёгивался и под ним была белая кофта опять с вышивкой, только к зелёному и красному прибавилось ещё пару цветов, был жёлтый и светло-голубой. Опять крестиком вышивка.

Не, это точно не медсестра. Таких сестёр не бывает.

Бабка не то, чтобы, сгорбившись шла, а как-то чуть голову опустил. И без того небольшого роста, она из-за этого совсем маленькой и беззащитной смотрелась. В руке у обладательницы ветхого шушуна был горшочек керамический, такой миллилитров на восемьсот с растреском горлышка. Керамика была покрыта... майоликой. Или майолика – это и есть керамика? Не специалист. Всё те же самые зеленые и красные цвета свившиеся в какие-то травяные узоры,

покрытые глазурью, чуть поблескивающей от света того источника непонятного за головой у Константина.

От бабки шел странный аромат. Так кинза, наверное, пахнет в больших количествах. Сильный пряный запах, чуть коньяк напоминающий, ну или в другой интерпретации – запах раздавленных клопов. Проковыляв до ложа, на котором Сидоркин почивал, старушка вывернула из-за спины суму, сшитую из кусков кожи с меховыми вставками и, отбросив клапан, достала из неё пиалку из такой же майолики травянистой и сунула её вперёд. Девочка, услышав шаги, сползла с груди Константина и теперь стояла у него за головой, всхлипывая.

– Дерзи! – бабка ближе двинула пиалку. А чего, пришлось взять, а то следующий раз в нос сунет.

– Баб Ульяна, а Коська поплывится? – шмыгнули из-за головы.

– Коська-то? Цегоз не поправица, поправица. Дерзи, – Она тряснула пиалкой. Убедившись, что болезный её полностью перехватил.

После этого из красивого горшка баб Ульяна набулькала в пиалку на две трети зеленоватую жидкость. Сидоркин, понимая, что это лекарство, хотел было выпить содержимое. Ну, в вип-палате не будут же травить.

– Куды?! Рано! – бабка достала из сумки маленький горшочек, сунула туда коричневые пальцы взяла щепоть красного порошка и сыпанула в пиалку. И ничего не произошло. Хотя, а чего должно было произойти, пузыриться зелёная жидкость должна начать? Перебор.

Но дальше произошло то, чего Константин Иванович не ожидал. Баб Ульяна поводила рукой над пиалкой, а потом почти накрыла её своей сморщенной ладошкой. И вдруг кисть засветилась. Не ярко, а еле-еле, так что, если бы не полумрак в вип-палате, то и не заметишь. Еле видимый зелёный свет окутал ладошку, а потом собрался в небольшой водоворотик или смерч. Колдунья выдернула из-под него руку и смерч, потеряв точку опоры, опустился к зелёной жидкости, взбаламутил красный порошок и, погрузившись полностью в пиалку, исчез.

– Мать вашу, Родину наш! – прикрыл глаза Сидоркин, – Цего это? – и сам удивился, почему «Ч» на «Ц» заменил.

– Пей теперь. Сейчас готово. Пей быстрее, пока дух силен.

Пить это было боязно. Но колдунья же старалась, и девочка всхлипывала за спиной, и голова трещала в затылке.

– Надо, Федя, надо! – про себя подбодрил свои чуть трясущиеся руки Константин Иванович и поднёс пиалку ко рту. В нос ничем зловонным не шибало, тот же запах кориандра, возможно из него питьё и сделано, эвон какое зелёное.

Зажмурившись, Сидоркин сделал большой глоток, а потом ещё один, выпивая всю бурду. Вкус тоже не был противным, чуть на щавель похоже. Кисловатый такой, но не лимон, а именно щавель.

– Теперьца спи. Пойдём, Варезка. Пусцай поспит.

Глава 3

Событие шестое

А вот этот сон и в самом деле лечил. Но... Это совсем не главное. Важнее... в сотни, в тысячи раз, важнее то, что произошло под утро, когда сон истончился, в полудрёму превратившись. Чужие мысли, мечты, воспоминания хлынули в мозг, и на какое-то время полностью затопили его. Мысли тринадцатилетнего пацана. Мысли человека из далёкого прошлого. Мысли практически безграмотного мальчишки. Его только начали учить письму, но бросили потом. Учил поп сельский, но он умер от оспы и прислали из Вильно нового, а тот ни про какие уроки и слышать не хотел, а по тем воспоминаниям, что перебрались в его мозг из памяти мальчишки, можно было сделать вывод, что поп Лука сам был неграмотен. Проповеди были скучными, а в книгу, лежащую на престоле, он никогда не заглядывал, не переворачивал страниц. Молитвы читал по памяти с амвона. Однако человеком батюшка Лука был неплохим, помогал нуждающимся, утешал родственников умерших и даже убедил князя простить недоимки многим жителям села в прошлом году, когда сильнейшие ветры положили рожь и пшеницу, и урожай был очень плох.

А дальше... А дальше начиналось непонятное. Это точно был не мир Константина Ивановича. Похожий, но другой. Про Географию говорить нечего, парень её просто не знал, тут другое. В этом мире была магия. Настоящая. И проявление её вчера Сидоркин сам умудрился лицезреть. Магия не как в книжках. Ни волшебных палочек, ни плетений мифических, ни рун скандинавских. Ничего такого не было. Как не было и кидания огненными шарами или молниями. Не вырастали из воздуха сосульки, пронзающие врагов насквозь, не вырастали из земли шипы. Ничего подобного. Были совсем незначительные проявления. Была магия целителей. Ну и ещё кое-что понемногу. Огонёк сотворить на руке могла ведьма или чародей... Ведьмак. Хельг. Могли хельги точно указать, где под землею близко водяная жила проходит, могли показать, где можно и где нельзя строить дома или храмы. Погоду предсказывали довольно точно. Были хельги, которые увеличивали урожай или поправляли здоровье скотине. Могли они снимать и наводить порчу. Да... Вот трупов точно никто не поднимал.

Словом, могли хельги довольно многое, но без всего этого книжного и киношного антуража, без фаерболов и воздушных лезвий. Самым необычным по мнению Касьяна и Константин Иванович был с ним согласен – это возможность некоторых хельг и хельгов смотреть на мир глазами животных. Считалось это большой редкостью и хельгов этих сразу забирали к князю в войско. Разведка с помощью больших хищных птиц – важная часть войска.

Самое интересное, что церковь с хельгами не боролась. Наоборот, она это поощряла. В мире Константина Ивановича в средние века церковь проповедовала и зарабатывала на том, что, дескать, это бог насылает болезни на грешников и лечить их не надо, надо принимать наказание божье и молиться и пожертвование церкви делать. Конечно, неграмотного и запуганного крестьянина или мелкого аристократа принудить принести денюжку легче, потому ещё и не поощряла церковь грамотность.

В этом мире всё было по-другому. Целители не просто приветствовались, их с огромным удовольствием и с настойчивостью затягивали в монастыри. Более того, при больших монастырях существовали школы, где одарённых детей учили, повышали уровень их владения даром. Не Магические академии, уровень не тот, но по слухам в Вильно были монастыри, где и по три десятка учеников было одновременно. Результат один, если большинство целителей под монастырями, то и деньги будут нести в монастыри. В противоположных направлениях пошла церковь в их мире и в этом, но пришла к тому же самому результату – деньги!

Так же распространяла церковь и знание, на сотни лет раньше появились церковно-приходские школы в этом мире. В монастырях кроме школ магии были и школы писцов. Там отбирали усидчивых детей с красивым почерком, и они всю жизнь переписывали, а то и писали сами книги. Попасть в такой монастырь и стать учеником в магической школе или в школе писцов было верхом мечтания любого мальчишки и девчонки.

Слова «Магия» не существовало. По крайней мере, Касьян его не знал. Называлось всё это «Волжбой» «Ведьмачеством», а самих одарённых чаще всего называли хельгами или вещими. Вещий – это перевод слова «Хельг» со скандинавского.

Константин Иванович вспомнил, как в одной передаче про это слышал. Слово «Хельга», то есть «вещая» трансформировалось в русском языке в имя Ольга, а «Хельг» в Олега. Потому словосочетание Вещий Олег – это тавтология. И Олега этого звали, как угодно, но не Олег. Может какой-нибудь Синеус.

Проверка на способности специально не проводилась. Изредка от монастырей в села, погосты, деревеньки и хутора приезжали священника, которые выявляли одарённых детей. И делалось это только тогда, когда тому или другому монастырю нужны были ученики. С деревенскими или городскими целителями проще, престарелые травницы, хельги брали себе учеников, сами их разыскивая по непонятным Константину Ивановичу, точнее, Касьяну, параметрам.

Пришло во сне кроме всей этой белиберды и полезное кое-что. Получил Константин Иванович знание местного языка. Ну, белорусским это назвать точно нельзя. Славянский. Очень непривычный, бедный по сравнению с двадцатым первым веком. Зато с кучей исчезнувших за века слов и понятий.

Узнал Сидоркин и про семью донора. Отец Касьяна бы потомственным содержателем постоялого двора и самым богатым человека в их селе. Звали его Иван Коробов. Мать Коськи была дочерью того самого попа из их села – отца Прокопия, который и начинал Коську грамоте учить. То есть, дед учил внука. У парня было две сестры – младшая Варвара и средняя – Фёкла.

Вот только парень не знал кто из них жив. Точно Варюшку видел, а вот остальных.

Событие седьмое

Пока Константин Иванович копался в приватизированных знаниях Коськи, наступило настоящее утро с криками петухов за окном, мычанием коров и бляньем коз. Этот набор звуков прошествовал мимо окна, и те самые знания реципиента подсказали, что это пастухи погнали согнанных вместе коров со всего села на пастбище, тот самый пастух Фрол погнал с сыновьями своими, что огромного линя на удочку в озере поймал.

Только стадо за окнами прошагало мимо, как в вип-палату вторгся через скрипучую дверь первый посетитель. Это был всё тот же бородатый и косматый мужик. Сейчас Константин знал, кто этот товарищ. Это был его дядя, брат отца и по совместительству кузнец в их селе – Александр. Он был на год младше отца Касьяна – Ивана, и если по чесноку, то братья дружно не жили. Виной тому был как раз отец Коськи, который при дележе наследства отца двух своих братьев кинул. Выделил им крохи с барского плеча. Младшему-то почти всё равно, он в городе у князя в дружине, и никаких медных котлов с кухни ему не надо. Он и не заезжал уже несколько лет к родичам. Отрезанный ломать. А вот Александр обиделся на старшего брата, не помешали бы ему деньги на строительство нового дома и подновления кузницы.

– По здорову ли, Косьян? – вопрос прозвучал с надеждой что ли, что вот сейчас парень скажет: «Ой, худо мне», и тогда разговор неприятный можно будет отложить.

– Лучше, голова не болит почти, – покрутил туда-сюда рыжей стриженной местами головой парень, демонстрируя, что нормально с ней всё. Сломал все надежды дядьки на перенос разговора.

– Нда. Плохие вести, племяш. Совсем плохие. Разобрали мы вчера к вечеру пожарище. Нашли там... – кузнец двумя руками залез в бороду и разделил её на две козых.

– Что...

– А то, Коська, что нашли в горнице отца твоего, мать и сестрицу Фёклушку.

– Сгорели? – не, так-то это чужие ему люди, но какие-то эмоции от парня, чьё тело он занял, остались. Да и не какие-то, а самые настоящие. Слезы из глаз брызнули, башка заболела снова и челюсти сжались.

– Сгорели, ладно. Убиты они, топорами зарублены. То батюшка наш определил. Он же в городе при дворе князя был священником, пока там не впал в немилость. Говорит, что точно сначала зарубили их, а после уж подожгли постоялый двор. Маслом лампадным и льняным облили их и подожгли.

– Кто? За что? – прохрипел Коська.

– Кто? Народ гутарит, что видели поутру в таверне Федьку-Зверя с ватажниками. И что он с Иваном говорил грозно, руками размахивал. На него староста думает. Не чисто тут. Федьку и раньше в таверне видели люди, он же из наших из деревенских. Это потом дружинником был у князя, а после в тати подался, да ватажку сбил себе. А только своих николе не трогал. А тут такое? А так видаков, кто убил, да поджог, нет. Купцы уже отъехали с самого рассвету. Ты-то где был? – вновь себя за бороду стал дёргать кузнец.

– На рыбалке.

– Понятно. Что сестрёнку спас, то молодец. Башка заживёт. Не знаю я, Коська, что дальше-то робить. Постоялый двор сгорел, а таверна без хозяина... а там ещё Демьян, кухарь, тоже сгорел. Мне своих делов хватает. Не нужна мне таверна. Да и не умею я. Продавать придётся. Так кому? В селе точно никто не купит. Опять же постоялый двор чуть не наново строить. Это же какие деньжищи! Нет у меня. И говорю же, не моё это.

Константин Иванович попытался от эмоций пацана отделиться и порассуждать, как взрослый человек. Какой-то разбойник зарубил топором его отца, мать и сестренку десятилетнюю, а ну, ещё и повара – кухаря. Они теперь с маленькой сестрёнкой сироты. Наверное, брат

отца их пригреет. Сгинуть не дадут. Таверну дядька за гроши продаст, раз желающих нет, да и постоянный двор сгорел.

А ему, что делать? В кузнецы идти? Нет, ни малейшего желания у Константина Ивановича становиться кузнецом не было. Он глянул на дядьку. Всё лицо в крапинку чёрную и борода подпалена, а одно из век как-то неправильно смотрится, туда, насколько помнил парень, дядьке кусок шлака прилетел. Глаз уцелел чудом, а вот веко срослось неправильно. Кажется, что косит сильно кузнец. Нет. Не хотел Константин Иванович всю жизнь в кузнеце провести. Подрасти и податься ко второму дядьке в город. Поступить в княжью дружину? Ну, а чего, в той жизни военным был, почему бы и в этой не стать. Конь? Ни разу на этих животных Сидоркин не ездил. А какой дружинник без коня?! Обучится. Не боги горшки обжигают. Насколько позволяла определить память Касьяна, огнестрельного оружия нет, или парень о нём ничего не знает. И получается, что сейчас четырнадцатый век, ну может самое начало пятнадцатого. А может и тринадцатый. Монгольское нашествие было уже, об этом парень слышал, но этих мест оно то ли не коснулось, то ли как-то вскользь пронеслось. Сейчас они Орде точно не подчиняются, никаких баскаков нет в селе и городе. Сами себе хозяева.

– И что этого Федьку-Зверя поймали? – дядька что-то бубнил про гряды с морковью и луком, но Сидоркин не слушал задумавшись, и тут про татей вспомнил.

– Поймали? Кто же его поймает. Они с ватагой в лесу за рекой в землянках живут. Никто не знает где. Да и кому ловить. Староста за тиуном княжым послал в город. Тот приедет с ратниками, может и будет ловить, но сомневаюсь. Это много дружинников надо, чтобы в лесу незнакомом ватажку словить. Говорят люди, их там две дюжины человек. Это ого-го сколько воев надоть.

– И что даже никто не сможет отомстить за отца с матерью? – человеку, жившему в государстве, уж каком ни на есть, это было непонятно. Если власть не борется с татями, то что это за власть?! За что ей налоги платить?

– А кому? – развёл ручищами здоровяк.

– Хрена се!

Событие восьмое

– Пойду я, парень, – кузнец грузно приподнялся с края лавки, на которой сидел в ногах у Коськи, – похоронами заниматься надо, могилку... могилы копать. Поминки готовить. Ты, ежели выздоровел, то...

Договорить дядька не успел, дверь вновь зашкрипела и показалось сухонькая, маленькая фигурка ведьмы бабки Ульяны.

Она кивнула кузнецу уже стоящему недалеко от порога и перекрестившись на образа, под которыми и горела та самая маленькая лампадка, которую вчера... или уже позавчера увидел Константин Иванович, очнувшись прошла дальше к изголовью кровати Коськи.

– Как там племянш? – она обогнула грузную фигуру кузнеца и быстро оказалось рядом с головой парня. Положила на неё холодную сухую ладонь и недовольно отдернула, – Плохо. Жар начинается.

– Так я вроде бы... – начал Коська, попытавшись подняться на локтях, но бабка стукнула ему ладонью по лбу и парень, закрыв глаза, плюхнулся назад на жёсткую подушку и погрузился в темноту.

– Эй, – Коську похлопали по щеке.

Он открыл глаза. Рядом с ним сидела на лавке знахарка и опять тянула ему под нос пиалку с красно-зелёными цветами.

– Испей.

На этот раз чудес увидеть не довелось. Жаль. Этот зеленоватый маленький водоворотик в руке у бабки Ульяны произвёл на Сидоркина, как говорится, «неизгладимое впечатление».

– Баб Ульяна, а ты можешь проверить, есть ли у меня способности к волжбе? – на этот раз и вкус у питья был другой. Горький, аж челюсти свело. Чуть не выплюнул его парень, и только суровый взгляд водянистых глаз ведьмы остановил его. Пришлось проглотить и допить.

– К волжбе? – старушка убрала пиалку в суму и туда-сюда голову понаклоняла, как бы под разным углом идиота разглядывая.

– К волжбе, есть ли у меня дар? – а чего, кому не хочется магом стать, тем более, раз попал в магический мир.

– Обряд нужен. Как без обряда проверить? Не знаю? А зачем тебе, Коська? Неужто хочешь хельгом стать? – взгляд бабульки совсем пронизывающим стал, как рентген.

– Кто же не хочет? – удивился парень, – запить бы. Горечь.

– Нельзя запивать. Чуть позже. А кто не хочет, понятно, никто не хочет. Делов много, благодарности нет. Только косятся вслед. Учиться опять же надо десяток годков... не меньше. Мало желающих. В монастыри детишек силком забирают.

– Так можно обряд этот пройти?

– Отчего же нельзя, вот выздоровеешь... И пройдёшь. Может и братия с монастыря приедет ребят искать в школу.

– А вы можете провести? – не отцеплялся от знахарки парень.

– И я могу. Поправься сперва. Жар после раны, плохо это. Ты поправься сперва. Похороны завтра утром. Я чуть пораньше приду, а ты пока лежи и не вставай, пусть питьё усвоится. А после Варюшка придёт, попить тебе принесёт.

Бабка ушла. На этот раз в сон Коську не тянуло. Он потрогал себе лоб. Может и есть температура? Вообще, в висках давило, а рана на затылке чесалась и побаливала.

Чуть поудобнее устроившись и прикрыв глаза, Константин Иванович во второй раз задумался о будущем. Колдуном стать? А хочет ли он? В основном они лекарством занимаются. Хочет ли он стать лекарем? Врачом? Никогда не думал о такой карьере. Военным, и именно танкистом, хотел с детства стать, и стал. Потом, правда, пришлось Константину Ивановичу

стать учителем в школе. Нравилось ли ему? Нет. Не так, чтобы отвращение вызывала эта работа, но... Работа и работа. С его здоровьем тогда, с плохо работающей левой рукой, особо другой работы и не найти было.

Но вот потом он стал сценаристом. И деньги появились и свобода. Не надо ехать утром по пробкам на работу. Копайся в огороде, выращивай плодовый сад, даже карпов кои разводи в выкопанном на даче пруду, и пару часов в день сиди за компьютером, сочиняй галиматью для дебилов. Все передачи про магов этих самозванных приходилось смотреть и, кроме того, смотреть похожие по каналам в Европе и Америке. Не сами же наши придумали. Всё, как всегда, украли у Запада.

Так просматривая зарубежные передачи, особенно из США, Константин Иванович с удовольствием констатировал, что у нас получилось лучше, а его сценарии точно лучше, чем у пиндосов.

Приезжая на передачи время от времени в Москву и знакомясь с новыми участниками, Константин Иванович тогда сожалел, что на самом деле это все просто шоу и никакими экстрасенсорными способностями эти люди не обладают. Это просто плохие актёры и аферисты в лучшем случае, а в худшем просто клинические идиоты – шизофреники. Попадались среди участников неплохие психологи и даже, чем чёрт не шутит, были люди с очень развитой интуицией. Но всё это не магия.

И вот теперь он может прикоснуться к этой магии. Пройти какой-то обряд. Явно не опасный, раз через него тысячи детей проходят ежегодно. А там!

А там работа лекарем? Не, лекарем становиться точно не хотелось. Сталкиваться ежедневно с болью людей с их не выдуманными, а настоящими проблемами. С ранами, с кровью и гноем. Со страданием и отчаянием. Нет. Не хотелось.

Глава 4

Событие девятое

На следующий день... на следующий день после похорон, Коська сидел перед обедом на лавке небольшой около дома дядьки кузнеца и расспрашивал сидящего рядом с соломинкой в зубах двоюродного братца – сына кузнеца Александра Коробова. Брат был совершенно не похож на Коську. Словно и не было в них общей крови. Тощий, высокий с яркими, как огонь, волосами Коська, как и все рыжие, был с очень светлой кожей. А двоюродный брат Иван был коренастым крепышом на голову ниже Коськи, хоть и старше был на полгода, волосы были каштановые у парня, и сам он был смуглым и от загара, и от постоянного общения с огнём. Ваньша уже год помогал отцу и меха качал, и молотом небольшим по нагретому металлу бил в паре с отцом.

Виновата в этой разнице была мать Коськи. Она была дочерью местного батюшки отца Прокопия, и всем в него пошла, тот тоже был высок, худ и рыж. Отец Коськи был на полголовы ниже жены, и он как раз походил на кузнеца и его сына. Тоже коренастый крепыш с вьющимися каштановыми волосами. В мать, которую, как и спасённую им сестрёнку, звали Варвара, все трое выживших детей Ивана Коробова в неё и пошли. Высокие, худые и рыжие. Кроме Коськи был ещё старший сын Иван, но его оспа четыре года назад сгубила, не смогла травница с этой болезнью справиться. А недавно, в год всего от роду, померла от непонятной хвори младшая сестрёнка Олеська.

– Мужики вчера на поминках баяли, что точно это Федька-Зверь твоих... наших порубил и поджёг постоялый двор. Слышали люди, как рано утром у конюшни, твой батька с татями ругался. Они с него пять гривен серебром за что-то требовали и книгу какую-то, – свистящим шёпотом, наклонившись к уху Коськи, медленно, выделяя каждое слово, проговорил двоюродный братец.

– Книгу? – Константин Иванович порывлся в воспоминаниях Коськи. Нет, там не было ничего про книгу. Не помнил парень никакую книгу у них в доме. Дома, кстати, как такового не было. Две комнаты были выделены на первом этаже постоялого двора под проживание семьи и ещё сени небольшие, где всякие вещи хранились, хлам ненужный в основном. Сени крыльцом не заканчивались, как главный вход. Там была дверь, которая выходила в огород прямо. Земля там была в уровень с дверью и зимой тем выходом почти не пользовались. Снег обязательно старался дверь завалить и тут же наледью схватиться. Всё, колоть до посинения потом лёд топором приходилось. Сени пожар не тронул, он прошёлся по всему постоялому двору и практически всё, что было из дерева, сгорело, а вот эти сени, расположенные с наветренной стороны дома, уцелели, словно над ними полог был непроницаемый для огня.

– А я знаю. Люди на поминках шептались. Ты-то ушёл сразу, а я там помогал батюшке лавки выносить и слышал.

– А где эти тати живут? Где-то за рекой? – что-такое говорил же кузнец.

– За рекой. Там лодка у них в камышах припрятана, на ней и переправляются. А дальше в лес идут по заливному лугу. А где в лесу живут никто не знает? В прошлом году князь дружинники на них засаду на дороге делали, так троих дружинников стрелами тати посекли. Стрельцы у них хорошие видать.

Константин Иванович спецназовцем не был. Даже десанником не был. Из всех военных знаний и умений, почерпнутых в танковом училище, сейчас мало что могло пригодиться, умение поправку при стрельбе из танковой пушки высчитывать, на ветер, вращение земли и деривацию, вот уж точно ненужное сейчас умение. Знание уставов? Действие при ядерном

взрыве? Разборка автомата Калашникова и пистолета Макарова? Так себе по полезности умения. Сегодня, помогая кузнецу, Константин оценил современную металлургию. Тут арбалет не сделать, не то, что автомат. Проблема с пружинной сталью.

Какие ещё умения принёс из будущего? В училище самбо занимался, но, во-первых, это спортивное самбо, а не боевое, а, во-вторых, он особо-то высоко и не поднялся, выступал на городских и областных соревнованиях за СКА и выше не пробился. Первый разряд. Вот и все достижения. Этих знаний точно не хватит, чтобы с двумя дюжинами разбойников справиться.

Ещё были небольшие навыки стрельбы из лука. Ходил в Минске в девятом и десятом классе Костик в секцию. Но тоже чемпионом мира не стал. Его туда, можно сказать, родители загнали пинками, и тренировался парень если не из-под палки, то так, чтобы родители отстали. Эх! А вот это умение сейчас бы пригодилось.

– Ваньша, а у вас лук в кузнеце на стене висит, что с ним, почему он там?

– А чего с ним? Целый он. Его батя держит под рукой на всякий случай. Это от деда нашего осталось. Он его у татаровей в бою взял. Я в прошлом году один раз пробовал натянуть, так не смог до конца, очень тугой. А тебе зачем, что один хочешь всю ватажку Федьки-Зверя перебить, – хмыкнул здоровяк, плечами поиграв. Здоровый, чертяка. Плечи эти, как у мужика настоящего, а ведь всего четырнадцать лет парню. Вечная зависть худого Коськи.

– А можно попробовать? – не ответил на подначку Константин.

Да, он как-то незаметно для себя, решил твёрдо Федьку этого и всю его банду порешить. Нет пока такого слова – «Банда». Слова нет, а люди есть, да и люди ли, если они десятилетнюю девочку топором зарубили. Слова нет. Итальянцы еще не придумали. Вроде бы «ссылный» переводится или как-то похоже. Вот ему и надо сделать так, чтобы и людей-зверей это совершивших на Земле не стало. Нет людей, не будет и слова.

Событие десятое

Натянуть лук не получилось. Мало каши ел. Жан-Клод Ван Дамм в начале своей карьеры снялся в двух фильмах, которые чётко всем показали, что нужно в таких случаях делать. В первом он мальчиша-плохиша играл – «Не отступать и не сдаваться», и там тренировался не сам Ван Дамм, а его противник, а вот второй – «Кровавый спорт» уже сам Ван Дамм пальмы голенью ломал. Вывод-то Коська из попыток натянуть лук сделал правильный. Нужно качаться. Тренироваться. Встал только вопрос: «Где»? А потом ещё один: «Когда»? Это не двадцать первый век, в этом времени тринадцатилетние парни работают с утра и до вечера. От кузни Коську дядька отлучил после пары пробных вхождений того в образ кузнеца. Коська от жары, духоты и с непривычки поплыл и обжёг грудь завалившись на горн.

Тут на кузнеца как налетела бабка Ульяна, как наорала на него, что после такой травмы головы, чудо, что парень выжил, и не след, пока не окрепнет, на него лишку взваливать. Пусть, мол, что полегче пока робит.

Ну, и нашли Коське привычную работу. Занимался огородом? и продолжай заниматься. Поли, поливай... и ещё чего положено с морковкой там да луком делай. Осенью соберём что получится у тебя и продадим часть, а часть себе оставим.

И тут Коська себе кусочек свободы заодно выклянчил. Дом у кузнеца хоть и не маленький, но и семья приличная. Жена, четверо детей, а теперь ещё двое племянников (племянник и племянница) и всё это на тридцати шести квадратных метрах. И лавку-то некуда лишнюю поставить, где сиротки спать будут?! Парень и предложил, пока лето, и раз всё одно робить на противоположном конце села, то может он ночевать будет в уцелевших сенах, а на обед и ужин приходить к кузнецу.

Ни дядька, ни тем более его жена тётка Матрёна возражать не стали, племяш с возу... всем легче. А плюшку каши найдут.

– Смотри, Ван Дамм, качки во всех фильмах и роликах садятся на белковую диету, чтобы мышцы нарастить, а каши эти постные явно белка в себе крохи содержат. Не нарастишь с них мышцы, – в фильме «Не отступать и не сдаваться» парень с Брюсом Ли разговаривает, а тут Касьян решил с Жаном Клодом общаться.

– И? – свёл брови воображаемый кикбоксер.

– Рыбалка! А ещё можно попробовать птиц ловить.

– Яйца нужны, – подсказал Жан Клод.

У них был курятник... Нет, курятник не сгорел. Только курей там нет теперича. Тетка Матрёна всех их к себе переселила. И было-то не лишку, всего десяток и петух, ну а теперь ни одной. Трёх старых тетка сразу на суп пустила, как и их петуха, свой имеется, и он больше и голосистей.

– Яйца? Если на рыбу менять в селе? Нужно продумать, как больше ловить. В книгах все морды ставят.

Когда Константин Иванович купил дом в деревне под дачу, то на стене в сарае старые хозяева и бредень оставили и морду. Морда была из сетки сделана металлической, довольно крупная ячейка, наверное, три на три сантиметра. Так и правильно, зачем ловить мелочь всякую. В общем, как эта самая морда устроена Константин знал. Проблема с металлической сеткой. Можно сделать каркас деревянный, а потом обычную сетку из... А из чего. У него леска сделана из конского волоса. Узлов на ней десятка два и прочной не назовёшь. Сплетена косичкой из трёх волосин, а потом связана. Нет, для морды это не годится. Ещё их плетут из ивовых прутьев. Так-то гораздо лучше конского волоса материал. Есть только один нюанс, плести корзины Константин Иванович, как и Касьян не умели. Значит, пока только удочка. Ну, или две удочки. Крючок запасной у него есть, а остальное достать не проблема.

Коська вырезал в лесу второе удилище, а заодно ещё и пару роготок больших для удилищ, чтобы их в руках не держать, тем более, две удочки теперь будет, две-то точно не удержишь в руках. Их белого (сивого) жеребца Орлика и соловую кобылу Вербу пока дядька тоже оставил в конюшне у постоянного двора, и в обязанности парня и за ними ухаживать. Благо запасов овса и сена на год в амбаре. Только пои, выгуливай, да купай. Кони отличные и кузнец хотел их заезжим купцам за приличные деньги продать.

Парень подрезал Орлику немного хвост и за вечер сплёл леску для второй удочки и одну ещё на запас, если порвётся. Ничего сложного, берешь три пучка волос небольших, волосин по семь – восемь, и плетёшь обычную косичку, в которую шаг за шагом вплетаешь следующие волосы. Его первая леска была сделана чуть по-другому. Там концы пучков или прясел были соединены узлами. Тоже не бином Ньютона, концы их клали в воду на полчаса и затем связывали двойным рыбацким узлом. Это, когда концы каждого прясла накладываешь на вершок друг на друга, а после завязываешь в петлю, как можно крепче. Новый способ без узлов ему брат двоюродный вчера показав, принёс туесок с кашей, хлебом и молоком на обед и застал Коську за скручиванием узлов.

– Эх, косорукий. Не так надо. А ну посунься. Смотри, как без узлов можно.

Коська потом и сам попробовал, леска смотрелась точно лучше, чем та, что у него на первой удочке была.

Завтра на любимый омут. Теперь всё готово. Вечером Коська даже сбегал к озеру, чтобы подкормить линей в его омуте. Днем он улучил время и запарил немного овса, пшеницы и гороха, а ещё сбегал к родичам, они свиней держали и там в кучах навоза за свинарником просто кишели опарыши. Вонь, конечно, страшная, но Сидоркин себе пословицу любимую у его деда напомнил: «Где не воняет, там и не пахнет». Всё это Коська дотасил до озера и равномерно по дну омута раскидал, даже в заросли водорослей немного бросил. Линь он рыба ленивая и осторожная, любит в водорослях хорониться. Вот и пусть, начав подъедать прикормку в траве и водорослях, потом выползет на открытое место.

Теперь главное – это снова не проспать.

Событие одиннадцатое

Вижу цель – не вижу препятствия. Коське это Константин Сергеевич Станиславский сказал. Потом ещё в фильме «Чародеи» сплагиили.

Захотел проснуться раньше пятахов и... заснуть чуть не до утра пацан не мог. А проснулся от того, что за ногу его мышшь теребить стала. Открыл глаза, а уже светло.

– Ексель-моксель!

Коська схватил удочки, подхватил горшочек с червями, что стоял в холодке, сунул в сидор прикормку, оставшуюся со вчерашнего вечера, и понёсся со всех ног к озеру. Только на пользу. Парень и без того решил, везде, где только возможно, бегом передвигаться. А ещё при малейшей возможности подтягиваться и отжиматься. Пока получалось так себе. Константин Иванович даже удивился, когда первый раз попробовал. Здоровый деревенский парень, ведра с водой вон целый день таскает, а подтянулся всего тринадцать раз, да и то тринадцатый можно считать так – авансом, сначала минуту, как червяк на крючке, извивался, ногами от воздуха отталкиваясь. Отжимание тоже восторга не принесло, сдуслся на двадцать пятом разе. И это не на кулаках и без прихлопывания ладошками в промежутке.

Озеро встретило птичьими переливами, карканием ворон, трещанием сорок, но это фоном. Рыба плескалась. Огромные рыбины выпрыгивали из воды и плюхались назад в воду с кучей брызг и звуком, как если бы по воде со всего маха лопатой шандарахнули плашмя. Место никто не занял. Да, если честно, особо много рыбаков и не было у них в селе. Занят народ, не до баловства этого. На реке с бреднем пройти – это рыбалка, а так с удочками сидеть – дурь и трата времени. А тут покос или пахота или... полно работы.

Нацепив червя на кованный дядькой крючок, Коська себя по лбу хлопнул. Забыл. Руками разодрав траву, пацан вырвал из-под дёрна пару горстей сырой земли, добавил туда распаренного гороха, овса и, слепив три шарика, сантиметров по десять в диаметре, аккуратно, чтобы сразу не развалились, отпустил в воду, подальше от берега.

Вот теперь можно и удочки закидывать. Вкрутив в землю рогатину, Коська, тихонько, без всплеска опустил грузило в воду и стал помаленьку опускать, чтобы и поплавок не булькнул. Линь рыба пугливая, да и вообще – трыбалка шума не терпит. Будто бы карпы любят, когда им Бони-М на полную громкость поставят.

Пристроив удилище на рогатину, Коська нацепил жирнющего, извивающегося, червя на крючок и так же аккуратно опустил снасть в воду. Поплавок заранее на всю глубину омота разместил. Линь, он по дну ползает. Вот пусть там червя и обнаружит.

Поклёвка первая разочаровала. Линь! Вот только всего с ладонь. Два десятка сантиметров. Не такого хотел. И тут пока линия этого мелкого парень снимал с крючка потянуло в сторону второй поплавок. Коська бросил удилище и схватился за другое. И сразу почувствовал, что там коряга. Не поддавалась. Леска вот-вот лопнет, удилище гнётся и ни в какую. Про корягу сразу парень забыл, коряга стала уводить поплавок прочь от берега. Боясь порвать леску, парень бросил тянуть и даже подошёл поближе к воде, чтобы дать рыбине немного из омота выползти, так, смотришь, и на мель её удасться затянуть.

Рыбина на такую провокацию не поддалась, потянула не на мелководе, а в сторону, к водорослям. Коряг там нет и в принципе запутать леску этот достойный соперник не мог, тем не менее, Коська решил туда линия не пускать. Не, ну а кто ещё такой здоровый здесь может быть?! Леска вновь натянулась. А ведь эта та, что без узлов, зря он брата двоюродного послушал. Нужно был узлы вязать, сейчас расплзётся эта косичка и поминай линия премиального по матушке. Рыбачек вновь отпустил чуть натяжение, опять вперед ступил, уже практически к самой воде подошёл. И этот гад на той стороне опять потянул в траву и водоросли.

– Фиг вам! Индейская национальная изба! – Коська почти вдоль самой воды опустил удилище и потянул рыбину к берегу. Та пропустила это движение и поддалась на полметра, но тут же одумалась и вновь в заросли заторопилась. А потом резко подалась вверх и выпрыгнула из воды, видимо таким образом норовя с крючка слететь.

– Итить-колотить!

Это был монстр. Линь. И точно не меньше, чем пастух недавно поймал. Хотя как больше локтя. И не его локтя, а этого самого пастуха.

С таким переменным успехом выуживание линя продолжалось ещё минут десять. Коська его подтаскивал чуть, но рыбина взбрыкивала и уводила леску в сторону, а сильно потянуть парень боялся, точно расползётся его самодельная верёвка. Вон, кажется уже в одном месте бахромиться начала.

– Ну, это, родной, сдавайся. Нужен ты мне! – предложил зелёному чудовищу парень.

– Ладно, сразу бы сказал, – линь резко перестал сопротивляться, и Касьян его сразу почти до берега довёл.

– Я тебя закопчу! Нет, в листья лопуха заверну и в золе зажарю, вкусным станешь! – пообещал линю рыбачек и потянул сильнее, чуть ведь осталось. И тут леска в этом месте, где махриться начала, не выдержала и расползлась, только на нескольких волосинах ещё держалась.

– Врёшь! – Коська бросился к рыбине рыбкой, пытаясь пальцами за леску ухватиться. Линь увидел этот прыжок и ломанулся в водоросли.

Успел, в последнюю долю секунды парень успел. Он сжал руками расползающуюся леску и намотал её вокруг кисти.

Глава 5

Событие двенадцатое

– Здравствуйте, отец Лука, благословите, – Коська как-то на автомате, само из головы вылезло, положил правую руку на левую крестообразно ладонями вверх и немного наклонил голову, – Благословите, – священник оторвался от корзины, которую плёл во дворе, поднялся, покряхтывая, сложил пальцы руки, символизируя имя «Иисус Христос» и благословил парня крестом:

– Бог благословит. Цего тебе, Касьян?

– Батюшка Лука, линь огромный нужен? Поменяю на яйца. Пятнадцать прошу...

До этого Коська уже троих односельчан обошел, все охали, гладили огромного линя ладонями, забирали из рук парня, прикидывая вес, но когда тот просил за него пятнадцать яиц, смурнели и отнекивались, плотник Артемий три предложил, потом осознав, что это несопоставимые величины, буркнул, мол, нетути больше, три несучки на яйцах сидят, и пять яичек отнесли только вот в церкву, отцу Луке, в оплату за крещение недавно родившейся дочери. Ту-то Коська и решил, что самый платежеспособный человек в их селе, как раз отец Лука, тем более, пять яиц ему только принесли, а у него и у самого полно курей.

Батюшка, как и все человеки в селе до него, погладил огромную тёмно-зелёную рыбину, взялся за кулан, оценивая вес. А вес изрядный, килограмм шесть, не, ну точно больше пяти.

– Смотрите, отец Лука, пузо какое у рыбины. Икра. Точно игра! – набил линю цену Коська.

– Хорошо, Касьян. Приму. И маслица ещё чуток дам. Сирых и сирот надобно... ладно. Правда, хороша рыбка.

Поп, держа линя на вытянутой руке, словно гордясь добычей, понёс её в дом, а парень остался стоять на дворе, раз не пригласили. И взгляд его тут же зацепился за недоделанную корзину. Морда! Верша. Вот как нужно морду сделать. Крепкая получится и долговечная. Нужно только научиться вот так плести...

– Держи, – в руке батюшки была маленькая корзиночка красивая с яйцами. Полная почти и сверху в тряпицу завёрнут был грамм на двести кусок масла. Не такой красивый брикет, как в будущем в магазинах, скорее, овал или шарик, сплюснутый немного.

– Благодарствуйте, – поклонился опять на автомате Коська и вдруг, даже для себя неожиданно, выпалил, – Батюшка, а научите меня корзины плести?

– Корзины? А терпения хватит? Сейчас если? Садись рядом.

Парень затылок почесал. В траве у омута, прикрытые листьями лопуха, лежали ещё пять приличных рыб, которых он не смог до дома дотащить. Пожадничал, наловил так наловил. Таких монстров, как этот линь, больше не было, но был ещё линь килограмма на три и были приличные караси и подлещики, можно и лещами даже назвать. По грамм шестьсот-семьсот точно. Но, где-то читал или смотрел Константин Иванович, что подлещик от леща не размерами отличается, а цветом. Лещ он половозрелый и жёлтый уже, у него же рыбки были серебристые – подлещики. Пока он тут будет корзины учиться плести, там, у омута, может и лиса объявиться и вороны с сороками. Да, рыбки прикрыты, но для лисицы несколько веток и листья точно не помеха. Этих рыбёх Коська собирался запечь в глине часть, а часть закоптить на будущее. И вот теперь дилемма, то ли учиться плести корзины, то ли бежать за рыбой.

– Ай, ладно, – пробурчал себе под нос парень и пошёл за попом. Наловить всегда ещё сможет, а вот научиться плести корзины, а значит и морды, вдруг в следующий раз священник не захочет. Это сейчас он именно этим и занимается, а отдельно уделять время пацану точно не

станет. У него хозяйство не меньше, чем у любого в селе, разве поля, где злаковые выращивают, нет.

– Корзинами хочешь заниматься? – удобно устраиваясь на огромном чурбачке, поинтересовался отец Лука, подозрительно разглядывая Коську. Видимо реципиент раньше таких мыслей и желаний на-гора не выдавал, – Этим на жизнь зарабатывать?

– Морды хочу научиться делать, – не стал скрывать истинную причину своей любознательности пацан.

– Хм. Так по-разному это плетут... Ай, раз уж согласился, то и морду научу. Отложим пока эту корзину. Принеси-ка мне, Касьян, из корыта, вон того, у сарая, большую охапку прутьев. И нож там рядом лежит, его прихвати. Нужно концы срезать вдоль... половину, на три вершка. Вот смотри.

Поп острым ножиком как бы заточил конец прутика.

– Это для заплётки. На горловину верши сто тридцать прутиков надо, и на тело столько же. Не хватит у меня, так что сейчас только начнём, а ты потом иди в лес и заготовливай. Тут штук пятьдесят. Так что двести пятьдесят штук нужно примерно, часть сломается. Умеешь до двухсот пятидесяти считать?

– Умею.

Не, так-то высшее образование, уж просто до двухсот пятидесяти досчитает. Но уже сказав, Константин Иванович мысленно себе леща засветил. А ведь деревенский пацан в тринадцатом или четырнадцатом веке вполне мог и не уметь. Зачем ему такое умение?

– Садись рядом и смотри. Потом сам повторишь.

Уже минуте на пятой Коська заскучал. Попробовать ему поп пока не давал, сам вязал. Принцип был понятен. Обруч из толстой ивовой ветки и вокруг него обвиваются этими заточенными местами прутики.

– А как дальше, как конус получить? – поторопил батюшку пацан.

– Конус? Ты греческий разумеешь? Откель?

Штирлиц... Ну, понятно.

– Дед так воронку называл. Он немного греческий знал, – даже не задумываясь ляпнул Касьян, пойдя теперь проверить. Дед уже три с лишним года в земле.

– Да отец Прокопий был очень знающий пастырь, царствие ему небесное. У вас книг от него не осталось?

А ведь Касьян и не знал ничего о том, что от деда осталось. Как-то не было ни разу разговоров в семье об этом или они просто пацану были неинтересны, и он их не запомнил.

– Не знаю, но если и было что, то сгорело теперь. Так как батюшка конус получить.

– Просто сие, Касьян, нужно по кругу время от времени подрезать один из прутиков. Количество прутиков сокращается и получается твой конус. Вот так, смотри.

Событие тринадцатое

Первая морда у Касьяна получилась комом. Он её сплёл, и ходил вокруг, сияя, как начищенный пятак. Конечно, чуть кривовата, ладно серьёзно кривовата, конечно, не круглая, а какой-то тор овально конусообразный, но ведь сам сделал. Радость кончилась, когда парень эту мору решил уже нести к озеру. Поднял, а она перегнулась и потом схлопнулась и в блин превратилась. Не дурак же, сразу понял... Как в этой плоской шутке, дурак бы не понял. Нужно было обручи из толстых веток не только в основание вставить, а ещё и по ходу пару штук внутрь сунуть и верёвками привязать. Жёсткости не хватило.

Пришлось разобрать. А ещё в одном месте морда расплелась. Тоже понятно, нужно эти зачищенные хвостики делать длиннее и нужны плоскогубцы, чтобы их затягивать.

– Плоскогубцы? – дядька Александр, который кузнец, озадаченно уху как собака или кошка пошкрябал, – Не разумею, чегось это?

– Щипцы маленькие, тянуть, – Коська показал, как тянет плоскогубцами конец прутика, чтобы затянуть перехлёст. Пантомим, но кузнец понял, нечёсаной башкой кивнул.

И ведь оказалось, что есть такие у кузнеца. Он их по заказу в город делал пару лет назад. Золотых дел мастер ему заказал, когда дядька в город на ярмарку всякий инструмент на продажу привёз. Но когда кузнец привёз заказанный богатеем инструмент, то оказалось, что тот переехал в Вильно уже. Так щипцы эти маленькие и остались невостребованы.

С помощью щипцов и двух дополнительных обручей вторая верша получилась гораздо прочнее. Касьян её даже на прочность испытал, два раза уронив с высоты примерно в полтора метра. Ничего, нормально всё, в одном месте лопнула затяжка и её дополнительно мастер-ломастер верёвкой перетянул.

С этой громадиной на плече... на голове, в руках, в зубах Коська рано утром приперся к озеру. Забросил внутрь немного распаренного гороха, земли с опарышами смешанной, овса и как всегда, стараясь не шуметь опустил приспособу в омут.

Шесть дней ушло у пацана на «строительство» первой морды, её разборке и изготовление второй улучшенной. Не целыми днями с утра до вечера занимался, можно даже сказать, что в перерывах между гораздо более важными занятиями. До реки раз сто добежать с пустыми ведрами нужно, потом с полными в горку назад. Потом полить все гряды, что успели они с матерью посадить. Но это с обеда, а утром поход к омуту с удочками и потом обход всех практически дворов в деревне по поводу бартера выловленной рыбы на яйца или сало. С каждым днём получалось всё хуже и рыбы стало меньше попадаться, и она стала меньше, таких пятикилограммовых линей больше не клевало даже, не то, что удавалось вытащить на берег. Пару раз его леска рвалась и вечером приходилось опять в запас плести, хвост Орлика при этом с такой скоростью отрастать отказывался. Совсем куцым стал. И последнюю леску – косичку Коська плёл очень тщательно и узлов на ней навязал прилично. Хорошо ещё, что кузнец теперь как бы свой, он хоть и бурчал, но выдал парню два новых крючка. Не бесплатно, естественно, изъяс улов за день полностью.

Только уменьшение рыбы в количестве и размере было не главной проблемой у добытчика. Народ деревенский охотку сбил и менять яйца на рыбу с каждым днём желающих убывало. Предлагали хлеб или поспидать с ними, гороха того же мешочек.

Нужно было менять предлагаемый односельчанам продукт. И Коська к этому готовился. Он и без того оставшихся после продажи и приготовленных для собственного потребления рыбёшек старался превратить в новый товар. Выпотрошив рыбу, он засаливал её. Благо в сениях, которые не сторели, в бочке хранился запас соли, что отец держал для таверны. Теперь таверна стояла закрытая и даже заколоченная, чтобы воришки не наведались до продажи, и готовить еду нужно было разве что для себя, и то не по необходимости, а сверх неё, поставил

же парень себе цель мышечную массу нарастить, чтобы с луком совладать. Потом просоленную рыбу он промывал и вывешивал сушиться на верёвке на солнце. Сразу налетела такая туча мух, что парень побоялся, как бы вместо желаемого результата не получить копошащихся на бечёвке опарышей. Марли, чтобы прикрыть даже и искать не стоило, тогда Касьян с наветренной стороны развёл два костерка и постарался больше дыма, чем пламени из них получать, закидывая ветками хвойных деревьев. Так себе получалось, но мух поубавилось. Зато результат превзошёл все ожидания. Рыба на жарящем всю седмицу солнце не только подсушилась до нужной кондиции, но и набрала запах дыма, не получилась холодного копчения, но всё же гораздо вкусней было простой воблы.

Это открытие и побудило Константина Ивановича вспомнить один эпизод из детства. Там родственники, к которым приехали на Украину, коптили лещей. В земле была выкопана приличная такая траншея и потом яма большая. Над ямой повесили на проволоках лещей и всё это закрыли железными листами и потом земли сверху навалили для теплоизоляции и герметизации. С противоположной же стороны тоже была ямка выкопана, где поддерживали вот такой дымный костерок, подбрасывая всё время ольховые сырые ветки.

Коське повезло. У него такая траншея сейчас имелась. Их работник Демьян вместе с матерью готовили новые гряды под огурцы и насыпали рядом две штуки, при этом землю вынимали из промежутка между меду ними. Что-то типа окопа с бруствером с двух сторон. И что немаловажно участок в этом месте от реки поднимался. Получалось, что дымоход уже есть, осталось расширять впереди и сзади для подвешивания рыбы и для костра, ну, и понятно, как-то всё это перекрыть. Железных листов нет и в ближайшие пятьсот лет не будет. Пришлось укладывать прутья всё той же ивы потолще и сверну застилать пластами срезанного у реки дёрна. Получилось вполне себе. Над самими же рыбинами Коська положил не ветки, а доски, сбитые в щит. Это дымоход нужен постоянный, а сама коптильная камера должна легко разбираться и собираться.

Сейчас все работы по её изготовлению были готовы, осталось наловить мордой рыбы и преступить к приготовлению нового эксклюзивного товара.

Событие четырнадцатое

За всеми этими полезными занятиями Касьян не забывал главного. Если съедать каждый день десяток яиц и полкило рыбы, да ещё грамм триста икры, то мышцы совсем даже не факт, что нарастут. Живот – это да, живот нарастёт. Без всякого сомнения. Для мышц же нужно, чтобы все эти поглощённые килограммы белка выходили с потом на тренировках. Нужны тренировки. Ежедневные поливки из-за разгулявшегося солнца – вещь без сомнения полезная, но там далеко не все мышцы задействованы. Потому при первой возможности Коська падал и отжимался, а если была рядом ветка, то подтягивался. Ну и продолжал передвигаться только бегом. В последние два дня даже камень приличный килограмм на пять обвязал найденной старой материнской юбкой и привязывал его к поясу при подтягивании. Росли ли мышцы неизвестно пока, но болели точно. Тренер в училище на самбо им говорил, что мышцы болят, когда забиты молочной кислотой, а кислота эта образуется при недостатке кислорода в мышцах при серьёзных нагрузках, организм понятно через печень всё это выводит, но осознаёт где-то там у себя в мозжечках и начинает увеличивать мышечную массу и дополнительные кровеносные сосуды настраивает мелкие, чтобы снабжать кислородом мышцы. Вывод, чтобы мышцы росли, они должны болеть. Прав он или нет Константин Иванович не знал, но вот сейчас вспомнил и нагружал себя по полной.

Подросли ли бицепсы и всякие дельты за неделю Коська не знал, не замерил бицуху в самом начале и зеркала ростового нет. Как тут определишь. Но хоть вспомнил об этом взял кусочек верёвки и завязал узелок, обмотав правый бицепс. Вот через месяц повторно померяет и тогда ясно будет... чьи в лесу шишки.

Забросив морду в озеро, Коська прошёл чуть в лес, где у него были спрятаны удочки, вынул их из кустов и тут же на толстой ветке, его вес выдерживающей стал подтягиваться. Вот тут прогресс был виден невооружённым глазом, если в первый день еле тринадцать наскрёб, то сегодня восемнадцать раз подтянулся.

Рыбалка опять не сильно задалась. Монстров выудить не удалось, да и средних рыбёх было не лишку. Возможно, надо сделать перерыв, и дать рыбе в озере обнаружить, что такой омут освободился от прежних обитателей. Парень даже предпринял попытку порыбачить чуть дальше по берегу, но чуда не произошло, там вообще два мелких карасика попало и всё.

Подошло время возвращаться домой. Там ждала утомительная работа по поливу грядок, как говорится, бочка сама себя не наполнит. Морду решил Коська проверить в последнюю очередь, когда удочки уже были спрятаны у турника. Заодно и подтянулся опять восемнадцать раз.

Пошла верша тяжело, а когда появилась частично из воды, то и причина этому выяснилась, внутри плескалась рыба. Много рыбы. Вынув пробку с горловины, парень высыпал больше двух десятков рыб на траву. Семь – мелочь, и он их назад в озеро забросил, потом перебрал и ещё три штуки отправил подрастать. Осталось четырнадцать карасей, и подлещиков. АС ладонь взрослого мужика и больше, самое то для копчения.

Нагруженный куканами и сумкой с рыбой парень побежал трусцой домой, сегодня продавать ничего не надо, всё пойдёт в копильню. Запас из тридцати яиц он себе на несколько дней подсобрал.

И что удивительно... или наоборот неудивительно... Бежит он по улице, а у одного дома тётка стоит и его ждёт, нет ли рыбки на обмен? Пришлось, чтобы клиентуру не отпугнуть трёх подлещиков покрупнее и одного линя, вытащенного первым, килограмма на два, отдать. Так тётка Агафья – жена плотника Артемия стояла у тына уже с готовой корзинкой с яйцами и куском сала. А у церкви попадья тётка Акулина стоит и тоже рыбу ждёт. Ну, куда деваться, раз совсем монстров нет, то шесть самых крупных рыбин у него вытащила и опять корзиночку с

яйцами сует. Почти пустой домой пришёл. Себе ещё ведь пожарить на вечер нужно. Придётся вечером идти во второй раз морду проверять, возможно за день наберётся на коптильню.

Глава 6

Событие пятнадцатое

Озеро было... Нет, Константин Иванович великим геологом не был, вообще, геологом не был, и как возникают озёра не проходил в танковом училище. Но тут не нужно было обладать специальными знаниями, чтобы понять, что это старица их реки, отделившаяся от самой реки и снабжаемая водой только мелким и не очень широким ручьём, отделяющимся от общего тока воды в речке, или это наоборот – тонкий ручёек это – всё, что от старого русла осталось.

Это к тому, что путь к озеру шёл не через реки, горы и овраги, как в песне, а строго вдоль реки, а вот перед озером река делала разворот на девяносто градусов всего метров тридцать до отделившегося от неё водоёма не доходя. После ужина Коська по тропинке вдоль реки, а не по их улице, чтобы сэкономить несколько минут, трусил за вторым в этот день уловом. Уже начинало смеркаться, и парень торопился. Назад можно будет и улицей добраться, к тому времени уже совсем стемнеет. У изгиба реки в районе церкви пацану какие-то подозрительные звуки с реки слышались. Что-то плескалось. Так-то берег отгорожен зарослями ивы и таволги от тропинки, но Коська знал небольшой лаз от этого места прямо к воде. Нужно всего лишь встать на четвереньки и проползти под кустами шиповника, и там будет небольшое пространство в плотных зарослях ивняка.

Любопытство победило здравый смысл, подсказывающий, что скоро совсем стемнеет, и как тогда в темноте рыбу из морды вытаскивать? Парень встал на карачки и пролез под шиповником, всё же пару занос в спину заполучив. Пробравшись между молодыми ивами, разведчик добрался до зарослей таволги и, раздвинув их, глянул на реку. Кто же там так плещется?

– Вона как! – к берегу прямо к тому месту, где он стоял, плыла лодка.

У них в деревне было всего две лодки. Одна у старосты дядьки Козьмы, а вторая у священника батюшки Луки, но обе эти лодки Касьян знал. Эта была больше и нос странный высокий такой. Явно чужая.

Коська быстро отступил в заросли ивы, и опять подстёгиваемый любопытством, не в проход под шиповник юркнул, а взял правее, пригибаясь и вжимаясь в густую поросль ив.

Лодка ткнулась в заросли таволги, разрежала их и подмяла под себя, и еле видимые с того места, где распластался в траве парень, двое человек стали проламываться сквозь шиповник на тропинку.

– Фёдор злой сегодня... – они переговаривались, но дальше Касьян не услышал, шуршали кусты, стрекотали две сороки выдавая вражин...

Конечно же вражин. Парень вспомнил, что ему брат двоюродный говорил, мол, у банды Федьки-Зверя есть лодка в камышах на той стороне. А эти двое разговаривали о каком-то Фёдоре. Фёдоров много. Лодок? Вот лодок нет больше. В сумме и наличие лодки, и имя Фёдор, всё говорило о том, что это люди из банды, ай, сейчас нет такого слова, из ватаги Федьки-Зверя, пришли за каким-то хреном в их село. Можно сильно и не гадать, за продуктами пришли. Что сейчас в начале лета может быть? Крупа и мука. Овощей ещё нет, если только лук, на перо выращиваемый.

Дилемма тут перед парнишкой нарисовалась. Хотелось проследить за татями, к кому они пошли?! Но тогда он точно опоздает к морде, и все планы коту под хвост. Цель отомстить этим гадам он себе поставил, и плохо ли хорошо ли движется к этой цели. Нужно стать лучником. А значит, нужно накопить силы в руках, чтобы тот лук натягивать. Простой способ он выбрал. Всего-то надо тренироваться и хорошо питаться. Ну, узнает он, к кому пошли тати и чего? Дальше-то что? Скажет старосте? А тот чего? Отправит весточку в дружину князю? Ну и опять

чего? А если тот человек, что снабжает злодеев продовольствием о том, где логово бандитов не знает? Даже если стражники потом двоих бандитов поймают, а ну как те не выдадут схрона или бандиты, встревоженные их долгим отсутствием, сбегут, а потом придут ночью и убьют и своего «кормильца» и всю его семью, как вот у Коськи. Нет. Такой хоккей нам не нужен.

Мысленно всё это в голове пару раз прокрутив, парень побежал по тропинке дальше. Проломился за татями сквозь шиповник и на полной скорости побежал по тропе дальше к озеру. Правда, на завтра к уже намеченным целям ещё одну добавив.

Практически впопыхах Коська вытащил морду на берег, выцарапал пробку, и высыпал рыбу на траву. Перебирать уже не стал, всех попавшихся рыбёх покидал в мешок, который еле забросил на спину, столько оказалось пойманной рыбы. Покряхтывая и пошатываясь под тяжесть мешка, парень поплёлся домой.

– Ничего, своя ноша не тянет.

Пришел, еле ноги переставляя, бухнул мешок в погреб у таверны и пошел искупаться. Весь был в колючках, паутине, рыбьей чешуе и потный, словно марш-бросок в противогазе километров на десять пробежал.

Выходя уже из прохладной воды, пацан вспомнил, что завтра утром до рыбалки у него есть дело.

Константин Иванович нормально умел плавать, Берингов пролив или Ла Манш не переплыл бы, но как-то в бассейне на спор за шесть часов проплыл десять километров. Время, конечно, для настоящего пловца огромное, но тут ведь о времени не шёл разговор. Нужно было проплыть десять километров. Он их проплыл. Но это было во времена, когда курсантом был. А вот потом у него левая рука практически не работала. Пулемётная пуля прилично плечо ему продырявила. Больше с того времени Константин Иванович не плавал. А вот тут в новом теле, решил в один из дней... позавчера? Или поза-позавчера попробовать, сможет ли он плавать. Коська этого точно не умел. Да вообще сейчас в этом времени в мире ни один человек, наверное, не умеет, на Руси так точно. Ну, это Коська, а он ведь умел? Умел... шестьдесят лет назад!

Распаренный после таскания ведер, парень зашёл в реку и оттолкнулся от дна. Поплыл. Сначала по собачьи попробовал. Вроде не тонет. Хоть в первое мгновение тело парня запаниковало, решило утонуть. Чуть сильнее заработав руками и ногами, Константин Иванович с паникой реципиента справился. Потом на баттерфляй (дельфин) перешел, на брас и, наконец, поплыл кролем или саженками. Назад возвращался на спине. И только добравшись до берега дал себе мысленно тумака. Зачем! Выпендрился?! И без того на него люди подозрительно посматривают. Непонятно им его стремление к поглощению яиц и передвижению бегом. Наверное, оправдывают это тем, что парень еле выжил после падения с лестницы. Головой об камень ударился. Да тем ещё оправдывают, что родители, и вообще вся семья почти, померли, кроме маленькой сестрёнки. Беда у парня, кукухой немного поехал. Ничего, время лечит, и его вылечит.

К счастью, народу на берегу почти не было. Сидел полуслепой дед Демид с удочкой, но его, как всегда, сон сморил. И было двое его совсем малых внука, что из гальки строили крепость, и не обращали внимание на заплыв Касьяна.

Событие шестнадцатое

Мысль эта правильная сразу пришла, как Коська лодку увидел вражескую. Река не сильно широкая у них. Более того, она разной ширины, где поуже, где пошире, но всё равно от тридцати до сорока или пятидесяти метров. Не шире. И вот здесь, где лодка причалила к их берегу, ширина была если не минимальной, то одной из таких. Мысль такая. Никто по диагонали тут плавать не будет. Там, в банде Федьки-Зверя, не Штирлицы, там безграмотные душегубы, мужики бывшие. Выходит, схрон лодки на том берегу примерно напротив в зарослях рогоза. Ну, это хрен с ним. А вот дальше. В камышах и потом на пойменном лугу должны хорошо сохраниться следы ватажников, до леса на той стороне точно можно будет их проследить. А дальше... Ну, дальше видно будет. Много способов человека жизни лишить. Да, тот же фильм «Хищник» со Шварценеггером ему в помощь.

Можно и совсем просто, самострел настроить... Ну, да арбалетов у него нет, да и есть ли в этом времени уже. Не, чего уж, можно ведь и отравить. Оставить мешок с продуктами и бутылкой браги хлебной на тропе, которую найдёт. Тьфу, бутылок нет, ну, с кувшином. Она (брага) точно уже есть. А в неё надавить сока бледной поганки или отвар долить. Яд бледной поганки действует не сразу и на действие яда это не похоже, будто заболел чем человек, и будет довольно долго болеть пока не умрёт. Нужны поганки.

Рано утром, едва сумерки забрезжили, Касьян, поднялся, кстати, опять мышка разбудила, начавшая ему педикюр на ногах делать. Было прохладно. Июнь ещё и до середины не добрался, по ночам довольно холодно, и вода показалась после пробежки совсем уж холодной. Но стиснув зубы... м... Месть это блюдо, которое подают холодным. Вот вода и охладит. Стиснув зубы и опасаясь, как бы ногу судорогой не свело, парень переплыл реку. Как называется? А чёрт его знает. В голове у Коськи называлась эта водная артерия просто «река». Возможно, знал батюшка, нужно будет у него спросить.

Дно было на том берегу илистое, топкое, дальше, даже и рогоз, если не стеною рос, то вполне себе густо. Касьян постоял, соображая, где тут может быть спрятана лодка, но тут ему подсказали. Плюхнулся выскочивший из воды карасик назад в реку и, дёрнув на звук голову, Константин Иванович отчётливо увидел прореху в рогозинах, явно их лодкой согнуло. Туда он и направился, и вскоре нашёл необычную, с очень высоким носом, лодку, спрятанную в зарослях камыша и рогоза, и даже прикрытую срезанными камышинами и стеблями таволги.

Продолжало везти и дальше. От лодки на пойменном лугу четко виднелась тропинка.

Солнце уже начало подниматься над лесом, и нужно было спешить. Касьян прошел по лугу, вглядываясь в следы, до леса, там на опушке были заросли лещины и ветви были сломаны, чтобы мог человек спокойно пройти, парень протиснулся сквозь заросли чуть сбоку, чтобы не оставлять следы на влажной от росы траве, мало ли, вдруг кто прямо сейчас решит прогуляться до сюда из бандитов. В лесу уже Коська вновь вышел на тропу. Нормальная тропа, явно довольно часто ею пользуются. А как иначе. Эта банда, ладно, ватажка, должна быть привязана к какому-нибудь населённому пункту, все эти «Лесные братья» должны где-то брать продукты. Какая-то сволочь в их селе снабжает душегубцев провизией. И эти поставки должны быть приличными, если их там два десятка человек, то это по сорок кило продуктов в день. Мешок целый. А в месяц? Ого-го. А есть ли в их селе человек способный прокормить целую банду?

Дальше в лес парень не пошёл. Всё, что нужно ему на данном этапе, он узнал. Теперь нужно готовить то самое блюдо, которое холодным подают. Окрошка, наверное? Да, вот на мелкие кусочки, как всё в окрошке, он бандитов и порубит.

Назад ещё холодней вода оказалась. Чтобы согреться Коська припустил к омуту во все лопатки, перепрыгивая поваленные берёзы и камни, и пяти минут не прошло, как оказался на месте. Сначала хотел к удочкам броситься, во всю уже утренний жор идёт, а потом передумал,

если в оставленной опять с прикормкой морде столько же рыбы, что и вчера вечером, то ловить на удочки точно не надо, эту и то придётся в несколько этапов коптить, даже за два раза не разместить, а раба за это время завонять может. Не нужно жадничать.

Коська потянул за верёвку, тяжело морда пошла. Ну, точно прилично в неё рыбы набилось.

Событие семнадцатое

Приготовить рыбу горячего копчения в специальной коптильне, да хоть даже в переделанной для этого дела большой кастрюле – не долго. Полтора часа – это максимум. А вот коптить, чтобы рыбка была холодного копчения гораздо дольше. Гораздо – гораздо. Там тепла нет почти, все консервирующее действие осуществляет дым от ольхи.

Ольхи в лесу не очень много, но Коська нашёл одну. Наломал, забравшись по шершавому, корявому стволу метров на пять, до живых веток, десятков таких веток и обломав все под собой. Не, ну кто же под собой сук не пилил. Коська по верёвке, прихваченной с собой на дерево, спустился и верёвку на нём оставил. Явно веток понадобится не мало, если он и дальше решит яичной диеты придерживаться. Дома у Константина Ивановича был дымогенератор и он иногда, чтобы родственников побаловать готовил скумбрию холодного копчения. Если честно, то вкуснее, чем в магазине не получалось. И разве что раза в два дешевле, но такую рыбу ведь каждый день готовить не будешь, и потому выигрыш в несколько сотен рублей не принципиален. Так вот, в зависимости от размеров рыбы приходилось коптить от полутора до двух суток, а особо крупные рыбыны и все двое с половиной.

Потому, прежде чем сейчас ввязаться в эту авантюру, Коська приготовился. Больше не стал морду настраивать. Точно нужно будет два дня перекур сделать. Притараканив, опять еле-еле, добытую рыбу домой, пацан сходил на реку, вымылся и притащил воды для полива огорода. Дождей по-прежнему не было, и молодые всходы овощей требовали полива, почва песчаная, и вода в ней почти не держится, утром полил, а вечером уже пустыня Атакама.

К обеду грядки были политы, огромная яичница пожарена и съедена, и можно было приступать к священнодействию. Парень разжёл из обычных берёзовых полешков костёр, потом закидал его ветками ольхи и даже немного водичкой полил, чтобы огня было минимум, а вот дыма хватало. Опилки бы, они долго дымят. Но опилок, и тем более ольховых, не было. У плотника Артемия была стружка и крупный опил, но всё это было хвойные породы, сосна и пихта, и использовать их было не желательно. Имелся уже горький опыт, от сосны рыба становится горькой. На пихте, судя по всему, эффект будет тот же, экспериментировать не хотелось. Столько труда вложено и из-за лени всё угробить. Только ветки ольхи.

А чем ещё два дня заниматься? Касьян ел яишницу, отжимался, подтягивался, ел яишницу, отжимался, бегал вокруг постоянного двора полусожжённого и таверны заколоченной и ел яйца варёные. А ну, ещё все это время поддерживал дымный костерок. А ещё играл с прибежавшей к нему Варюхой – Варешкой. А вот на второй день, парень почувствовал, что просчитался. Ветки ольхи начали заканчиваться, а ведь ещё больше суток нужно будет костерок поддерживать. Пришлось девочку оставить за старшую, уговорив поиграть в игру – кормление прожорливого костерка. Сам же Коська на максимальной скорости ломанулся в лес к той ольхе. Переживал за сестрёнку, кроха, ещё обожжётся или вообще одежду на себе подпалит. Потому, ломал ветки молодые парень со скоростью сучкореза макитовского. Прибежал к таверне, где у гряд устроил коптильню, и успокоился. Пятилетняя девочка спокойно сидела у костра, разговаривала с ним и подбрасывала тонкие веточки ольхи. Вовремя успел, веток горсть осталась.

За сестрёнкой вечером пришёл двоюродный братец Иван. Он каждый вечер приносил Коське ужин в горшочке, и если Варюха была с братом, то на ночь забирал её в дом кузнеца.

А нет. Не только этим занимался. Ещё Коська попробовал изобрести майонез. Яйца у него есть, в таверне была целая бочка льняного масла, и кувшин яблочного уксуса имелся. Ложку меда тоже нашёл. Имелся мёд. Как и убывающий понемногу бочонок с солью. Пока есть соль. Всё имелось под рукой. Не было только миксера. Да, ещё с розетками побежали. Ну и горчицы. Или не нашёл, или ещё не добралась горчица до Руси. Пришлось взбивать деревян-

ной палочкой, что выстрогал в виде вилки. Сначала яйцо взбил с мёдом и солью, потом стал потихоньку туда льняное масло вливать и продолжать взбивать.

Получилось хреново. Масса, почти уже ставшая похожей на майонез, вдруг стала расслаивать. При этом вспомнил Коська, что забыл уксуса налить, налил и заработал взбивалкой, как настоящий блендер. Фух, вроде прекратилось расслаивание. Ещё поработав взбивалкой, главный шеф-повар села зачерпнул пальцем получившую бело-желтую массу и сунул в рот.

– Чегось смятана у тебя желтая? Испортилась поди?

Коська подскочил на метр. Прямо в ухо же сказали. Он, чуть не выронив плошку, обернулся, за плечом стояла бабка Ульяна.

Глава 7

Событие восемнадцатое

– Рыба жареная? – лекарка недоумённо уставилась на парня.

Коська ей пять минут уже пояснял, что это не сметана, а... хрень такая, чтобы жареная рыба была вкуснее, в последний момент Константин Иванович придумал, чем можно попробовать горчицу заменить. Раскопал немного корешков хрена и размял, превратив кашицу. Добавка прилично так поменяла вкус майонеза, хрен чувствовался. Стал ли вкус при этом хуже? А хрен его знает? О! Юмор.

– Ну, да и холодная даже вкуснее горячей, только пожаренной. Дать попробовать? – преданными синими глазами уставился Коська на хельгу.

Колдунья не перестала подозрительно смотреть на парнишку. Тринадцать лет, щуплый, с выстриженным клоком и шрамом на голове рыжий. И вкусная рыба под хренью.

– А интересно. Давай, зови в гости.

Звать было некуда. Коська, конечно, в сенях навёл какой никакой порядок, но назвать это благоустроенным жильем можно с натяжкой. С приличной такой натяжкой, ни горячей воды, ни ватерклазета, ни даже телевизора. Стол есть. Это дверь, снятая с петель и положенная на два чурбака. В Постоялом дворе не всё сгорело. Вот эта дверь была кожей оббита, в лучшем их номере была, для богатые проезжих. Кожа обгорела, потрескалась и рассыпалась, когда парень к ней прикоснулся, а вот дерево под ней с одной стороны вообще целое осталось, а со второй, с коридора, только чуть обуглилось. Коська её отшкрывал ножом, и получилась отличная столешница, теперь только ножки приделать, но времени не хватало и пока только чурбаки из дровяника. Он вообще не пострадал, далеко был, за конюшней, ближе к лесу. Стульями для него и обедавшей с ним Варюхи служили тоже два чурбачка. Как ни подбирал парнишка одинаковые по высоте, всё одно стол получился чуть наклонным. И эксклюзивным.

Так что приглашать лекарку в обеденный зал с такой мебелью было стрёмно, но не говорить же теперь, что не, не дам рыбы с хренью попробовать.

Рыба жареная у него осталась от обеда. И не простая. Он тут экспериментировать начал. Всё же речная рыба отдаёт болотиной, как ты над ней не издевайся. Вот Константин Иванович и вспомнил один рецепт из будущего. Там советовали рыбу в уксусе немного вымочить, перед тем как жарить. Именно эту порцию он и попробовал по этому рецепту приготовить. Жарил шурят. В озёрной или речной рыбе не только запах присутствует, ещё в ней полно костей. Хоть это карась, хоть щука, да, кости разные, но их там очень и очень много. Исключение только судак, в котором почти нет костей и вот ещё шурята. Там куча остей что портит щуку ещё не появилась. Можно есть за здоровье не опасаясь. Шурят Коська нарезал на куски, вымочил в уксусе яблочном и пожарил, теперь из подпола достал, положил на деревянную чашку, намазал сверху майонезом и подал бабке Ульяне, всё ещё подозрительно на него посматривающей.

Вилки из плоской дощечки Коська выстругал две, одну для себя и одну для Варюшки, но той не показалось это интересным, руками удобнее. Баловство. Взял, да суй в рот, чего заморачиваться? Колдунья вилку двузубую, которую рядом с тарелкой положил парень, взяла в руки, повертела, ткнула в кусок шурёнка и снова повертела. Но оказалась настойчивей пятилетней девочки и попыталась кусок рыбы ею подцепить. Не получилось, кусок свалился назад в деревянную чашку.

– Чудишь! Времени лишку, работать теперица не надо. Ладно, проверю тебя на дар завтра.

– Завтра не могу, мне два дня костерок поддерживать надо, – тяжело вздохнул Коська. А кому не хочется узнать, что ты настоящий волшебник. Как Хоттабыч! Кто там ещё? Как Гарри Поттер?

– Ох чудишь, Касьян. Голова не кружится, не болит?

– Нет. Ты попробуй, баба Ульяна. Понравится.

На этот раз ведьма – хельга не стала заморачиваться взяла кусок щурёнка, макнула в майонез, хоть кусок и так был им намазан и потянула в рот. Зубы у бабки были не все, но страшными и коричневыми, выступающими из-за нижней губы, как рисуют бабок Ёжек в мультиках, не было. Просто пару прорех. Хельга пожевала, потом остановилась, видимо наслаждалась новым вкусом и быстро разделалась с куском, только хребет выплюнув, и рука её сама потянулась за следующим.

– Понравилось?

Лекарка не ответила, не могла. Продолжала засовывать рукой в рот куски и сплёвывать позвоночки щурят. Такой автомат по переработке жаренной рыбы под майонезом. Бамс и рука шарит по тарелке в поисках очередного куска, а его нет. Тогда и глаза подключились.

А нету. Нда, как всегда, на самом интересном месте.

– Касьян, а я ранце не едала у вас такого. Демьян недавно придумал? Царствие ему небесное. Сегодня можно. Девять дней прошло. Ты был на кладбище?

– Был.

Почти правда. Вся родня пришла, а его нет, он в это время за ветками ольхи убежал. Потом один сбегал. Сбегал в прямом смысле. Да, и не очень далеко. Кладбища два в селе, есть у церкви... для избранных. И есть в конце села, всего в ста метрах от их Постоялого двора. Сбегал, постоял, пообещал отомстить и назад убежал, костерок сам себя поддерживать не будет. Его проглоты кормить надо.

– Демьян. Понравилось?

Бабка покивала. Потом носом повела вокруг тарелки, очевидно решая облизать или нет, и решительно встала.

– Благодарствую. Завтра не можешь? В следующий день приходи. С утреца, как солнце встанет. В лес пойдём обряд проведу. Хоть сомневаюсь. Не в кого. Не батька, не мать не имели дара. И это... рыбу такую есцо приноси.

– Для обряда нужно? – решил пошутить Константин Иванович.

– Конечно. Для обряда. С утреца, – вот и пойми кто над кем пошутил.

Проверить готова ли рыба, не разобрав эту коптильную фабрику невозможно. У него на даче там был такой деревянный домик сделан, в который по трубке из дымогенератора поступал дым. Открыл дверцу и можно проконтролировать процесс. Здесь – шалишь. И, чтобы не испортить, и не получить первый блин комом, Коська ровно два с половиною дня кочегарил. Ещё один раз пришлось на ольху забираться за ветками. Следующего раза дерево могло и не пережить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.